СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

м. в. левченко

ПЕНТАПОЛЬ ПО ПИСЬМАМ СИНЕЗИЯ 1

Египетские папирусы содержат много данных о византийском Египте IV—VI вв. Произведения Либания и Иоанна Златоуста хорошо знакомят нас с жизнью Антиохии конца IV в. Хроника и письма Феодорита Киррского дают обильный материал относительно положения в Киррах в середине V в. Хроника Иешу Стилита знакомит с Эдессой конца V—начала VI в.

Что касается Пентаполя, то единственным источником, позволяющим составить представление о жизни этой провинции, являются письма Синезия. Изучение этого материала, выяснение особенностей социально-экономического развития этой окраинной провинции Восточной Римской империи поможет нам лучще понять сущность тех исторических процессов, которые обусловливали переход от античного рабовладельческого общества к средневековому феодальному. Письма Синезия проливают свет на многие вопросы, касающиеся провинциальной жизни империи, вопросы, которые до настоящего времени не получили правильного освещения в буржуазной исторической литературе. При этом, разумеется, нельзя забывать, что сохранившаяся переписка Синезия не позволяет выяснить все вопросы, интересующие историка. Поэтому в дальнейшем мы по необходимости будем останавливаться только на таких вопросах, которые нашли отражение в переписке.

T

Счастливо закончив свою официальную миссию, Синезий в 402 г. возвратился на родину. Как показывает письмо 4, по дороге он заехал в Александрию. Здесь он дружественно был встречен Ипатией и ее "хором": Теотекном, Афанасием, Гаем, Феодосием, а также своим братом Евоптием².

Однако после нескольких дней пребывания в Александрии нужно было снова думать о путешествии. Синезий должен был отчитываться в своей длительной поездке перед "матерью" — Киреной.

¹ Безвременная смерть не позволила М. В. Левченко довести до конца подготовку этой статьи к печати, тем не менее редакция сочла необходимым издать без изменений труд покойного советского византиниста; в нем были произведены лишь несущественные сокращения и незначительная литературная правка.

Статья М. В. Левченко непосредственно примыкает к его исследованию "Синезий в Константинополе и его речь «О царстве»". "УЗ Ленинградского ун-та", 1951, № 130, вый. 18. Ср. также предисловие к речи Синезия "О царстве" — ВВ, т. VI, 1953. — Ред.
2 PG. t. 66, col. 1341.

Морское путешествие Синезия было не очень долгим, и та радость, с которой он возвращался домой, отразилась в длинном 4 письме, в котором он в трагикомическом духе описывал брату свое незаконченное еще путешествие. Оно сопровождалось многими приключениями. Синезий не был заинтересован в том, чтобы плыть на дешевом плохом судне, но мореходство между Александрией и Пентаполем не процветало, и поэтому судно, выбранное Синезием для возвращения, страдало многими дефектами. Его хозяин, сирийский еврей Амарант, был обременен долгами. Поэтому его второй парус был заложен, корабль держался на одном якоре, так как второй якорь был продан, а третьего Амарант не приобрел.

Экипаж судна состоял из 12 человек, большая часть которых, подобно своему хозяину, были евреи, а остальные — неопытные крестьяне, только недавно занявшиеся морским делом, причем все члены экипажа имели какой-нибудь физический недостаток. Этот экипаж вез 50 пассажиров; при этом женщины, большей частью молодые и красивые, были отделены от мужчин лишь толстой полотняной заве-

сой из старого паруса.

Синезий сел на корабль на рассвете в Бендиде¹, но судно только в полдень, после многих неудачных маневров, покинуло рейд. Первое волнение на судне проявилось близ храма Посейдона, где Амарант не побоялся держаться вблизи рифов Тафосириса². Уступая протесту своих пассажиров, Амарант повернул от берега и пустился в открытое море так далеко, что берег скрылся из глаз. Это вызвало новый протест, причем в нем принял участие и Синезий. Амарант был возмущен поведением пассажиров, одинаково боящихся и моря и суши. Но поднялась сильная буря, и Амарант уверял, что вблизи берега при такой буре они несомненно сели бы на мель.

Так как этот день был кануном субботы, священного дня покоя у евреев, то, когда село солнце, капитан бросил управление рулем и преспокойно растянулся на палубе, читая библию. Пассажиры сначала не понимали причины действий Амаранта и, приписывая его поступок отчаянию, уговаривали его не терять бодрости в крайних обстоятельствах, а затем, когда поняли настоящую причину его поведения, то пробовали принудить его силой взяться за управление рулем. Один арабский воин, вытащив свой меч, угрожал даже отрубить капитану голову, если он не возьмется за управление кораблем. Но Амарант был нечувствителен к угрозам, и только когда наступила полночь, а буря еще более усилилась, он снова взялся за руль, заявив, что его к этому обязывает закон, так как налицо угроза гибели судна.

Это заявление Амаранта, который оставался спокойным, по мнению Синезия, потому, что он надеялся таким образом освободиться от долгов, пассажиры встретили возмущением. Плывшие на корабле воины вынули свои мечи, чтобы покончить с собой раньше, чем они утонут в море. Женщины стали раздавать нитки, чтобы каждый, имеющий золото, повесил бы себе его на шею и таким образом приготовил заранее плату за свое погребение.

¹ Порт Александрии, где возвышалось святилище фракийской богини. PG, t. 66, col. 1328.

² Страбон (Geographica, XVII, 1. 14) уточняет, что эти опасные рифы находились на небольшом расстоянии от берега. Он же (ibid., XVII, 1.9) говорит о мысе Посейдии, который получил свое название от храма в честь бога Посейдона. Тафосирис — мнимая могила Осириса по Плутарху (De Iside et Osiride, cap. 21).

Что касается Синезия, то он, по его словам 1, был смущен только словами Гомера о гибели в морской пучине 2. Кроме того, Синезия беспокоило, что он погрешит против законов гостеприимства, если утонет, не возвратив сумму, какую ему ссудил в Константинополе его тамошний хозяин Прокл 3. Но показалась утренняя заря, затем вышло солнце, буря утихла, и корабль пристал к пустынному берегу. Сделали остановку на два дня, но не обнаружили человеческих следов в этом пустынном месте Мармарики.

Хотя предзнаменования были не хороши (наступал тринадцатый день месяца, и это — вместе с новолунием — предвещало непогоду), снова пустились в путь. И буря не заставила себя ждать. Во время бури обрушилась переломленная мачта, но это явилось спасением для судна, так как теперь его меньше бросали волны. Так плыли день и ночь и на рассвете, наконец, пристали к полуострову, где их спас местный монах. Добравшись на лодке до корабля и взяв руль из рук Амаранта, он искусно провел судно в маленькую, но очень удобную бухту 4. То же самое он проделал с четырьмя другими кораблями, поврежденными бурей.

Из этого пункта, где, как надеялся Синезий, уже прекратятся беды, он пишет брату в Александрию упомянутое выше письмо. Синезий прибавляет, что в удобной гавани появилась новая забота — забота о питании, так как истощились все съестные припасы. Путешественников опять выручил монах, объяснивший им, что скалы изобилуют раковинами, а море — мелкой рыбой. А в дальнейшем туземные женщины стали осыпать подарками пассажиров. Этими подарками были сыры, ячменные пироги, баранина, куры и яйца.

Длинное письмо Синезия показывает, что пассажиры, в числе которых находился христианский монах, были христианами и в час спасения от морской опасности воздавали благодарность христианскому богу. Но языческие верования, свойственные Синезию, в частности забота о том, чтобы в случае смерти были обеспечены достойные похороны, были распространены и среди его спутников.

После многочисленных приключений Синезий в 402 г. добрался до Киренаики. На полученный вскоре после его возвращения декрет об облегчении податей для жителей Киренаики Синезий отвечал префекту претория Аврелиану благодарственным письмом, в котором он не находит слов, как отблагодарить его от своего имени и от имени тех городов, которые получили льготы 5.

Наряду с другими подарками своим друзьям, Синезий отправил большой египетский ковер придворному нотарию Астерию, оказавшему ему, вероятно, какую-нибудь услугу. Астерий, увидев у Синезия ковер, просил подарить его, что Синезий и обещал сделать, но только не в Константинополе, а по возвращении в Кирену, так как в холодной Фракии ковер был ему самому необходим. По возвращении он действительно отсылает ковер Астерию через своего константинопольского друга Пилемена, а в письме к этому последнему (письмо 129) он дает наставления, как отыскать Астерия, и просит Пилемена изви-

¹ PG, t. '66, col. 1333. ² Одиссея, IV, 511.

³ Отождествление втого "хозяина" из Фракии с Проклом вытекает из письма 139. Это отождествление ускользнуло от О. Зеека (О. Seeck. Studien zu Synesius. "Philologus", LII, 1894, S. 470). Повтому письмо относится к 402, а не к 404 г., как это предполагает О. Зеек.

⁴ Повидимому, Азаир. ⁵ PG, t. 66, col. 1360.

ниться перед ним в том, что из-за поспешного и неожиданного отъезда из Константинополя он не мог раньше выполнить его просьбы.

Из этого же письма видно, что пребывание Синезия в Кирене на этот раз было очень недолгим, и он снова покидает Пентаполь для Александрии. В письме Синезий объясняет Пилемену, что он своевременно послал свой долг и подарки через Фикунт (гавань Кирены), но судно противным ветром было занесено в Александрию, и Синезий, явившись сюда, нашел здесь и свои письма, и свои посылки.

В упомянутом же письме Синезий объясняет, что уже год прошел с того времени, как он писал напрасно Пилемену¹. Из этого вытекает, что во всяком случае уже не меньше года прошло со времени отъезда Синезия из Константинополя, так что дату письма и возвращение автора в Александрию следует отнести к весне 403 г.

На вопрос, почему он так мало пробыл на родине, Синезий в указанном письме дает уклончивый ответ. "Обстоятельства вынудили", —
пишет он Пилемену, повидимому не желая посвящать его в курс дела.
Очевидно, он был разочарован положением дел на родине и тем, что
не получил должной благодарности за услуги, оказанные Киренаике.
Одно письмо, посланное уже из Александрии, заставляет предполагать,
что Синезий оставил Киренаику вследствие неприятностей, происшедших у него с его всегдашним врагом Юлием. Письмо это дышит разочарованием. "В своей тоске, — пишет Синезий, — я почитаю себя достаточно счастливым, ибо освободился от друзей и врагов. Я хочу удалиться от них, не иметь ни с кем из них никаких отношений. Я буду
лучше жить в чужой стране. Я был отдален от них сердцем прежде,
чем расстоянием. Я оплакиваю участь моей страны. Кирена, некогда
место пребывания Карнеада и Аристиппа, теперь предана Иоаннам и
Юлиям, в обществе которых я не могу жить"2.

Письмо 94 показывает, что в основе этой вражды с Юлием лежали причины не столько личные, сколько политические. В указанном письме Синезий говорит, что его вражда с Юлием возникла из-за того, что Синезий настаивал, чтобы войско, охранявшее Киренаику, состояло из местных людей, и чужеземцы были бы из него исключены; Юлий этому противился. Крупные расхождения между ними были и относительно целесообразности существования самостоятельного военного дуката в Киренаике. Учитывая плохое состояние обороны Пентаполя, Синезий настаивал на ликвидации в Пентаполе самостоятельного военного дуката и на передаче дела военной обороны Пентаполя египетским властям, которые имели в своем распоряжении более крупные военные силы. Но в этом вопросе Синезий нашел себе противника в Юлии, который, если верить данному письму, добился сохранения самостоятельного дуката в Пентаполе. Расхождения между ними были и при определении целей и задач посольства в Константинополь, которое осуществил Синезий в 399—402 гг. 3

Что касается другого противника Синезия, Иоанна, то можно предполагать, что он имел какое-то отношение к военному делу в Пентаполе. Синезий издевается над трусостью, какую Иоанн будто бы проявил в войне с нападавшими на Киренаику авсурианами ⁴. Повидимому, об этом же Иоанне идет речь в письме 50, где говорится о павшем на Иоанна подозрении, что он убил своего брата Эмилия ⁵. Синезий

¹ PG, t. 66, col. 1509.

² Ibid., col. 1380.

³ Ibid., col. 1460—1464.

⁴ Ibid., col. 1480.

⁵ Ibid, col. 1377.

очень невысокого мнения о своих противниках в Киренаике, но тем не менее в начале 403 г. они вынудили его переселиться в Александрию. где он пробыл 2 года (403—405 гг.).

Александрия не была для Синезия чужой стороной. Здесь прошли годы его учения и установилась тесная дружба с Ипатией и ее "хором". Здесь у Синезия были старые унаследованные связи с членами александрийской курии, в частности с "блаженным Феодором, общим покровителем всех пентапольцев", о котором Синезий писал, что он "в особенности привязал к себе наших родителей" 1.

В Александрии Синезий написал большую часть своих гимнов, быть может свой трактат "О снах" (περι έγυπνίων) и, несомненно, своего "Диона". Здесь он женился на христианке, принадлежавшей к столь знатной фамилии, что патриарх Феофил счел нужным лично благословить этот брак. В письме 105 Синезий пишет: "Бог, закон и священная рука Феофила дали мне жену"2. Хитрый александрийский патриарх, очевидно, понимал, каким приобретением для церкви будет такой умный, образованный аристократ, сумевший завоевать большую известность в Константинополе в 400 г. Поэтому он способствовал тому, чтобы язычник Синезий женился на христианке. Известно, что Синезий имел от этого брака трех сыновей, старший из которых Исихий родился в Египте.

Обладая искусством быстро устанавливать обширные связи, Синезий познакомился со всеми выдающимися людьми в столице Египта. Он встречался со знаменитым Исидором Пелусиотом. Этот церковный деятель был современником философа. Традиция сделала его близким родственником Феофила 3. Сохранившиеся письма показывают, что переписка его с Синезием началась уже в 395 г. и была длительной 4.

Нет возможности точно определить время появления названных выше сочинений Синезия, за исключением "Диона", где Синезий обращается с речью к еще не родившемуся сыну, появление которого на свет было якобы предсказано Синезию во сне 5. Что касается сочинения "О снах", то оно, вероятно, было написано после "Диона", так как обе эти работы Синезий одновременно послал на отзыв Ипатии 6.

Мы, разумеется, не можем ожидать оригинальных философских взглядов от автора этих сочинений. Синезий был сыном своей эпохи и своего класса. Он хорошо познакомился с неоплатонизмом в изложении Ипатии. Подобно огромному большинству его современников, он был последователем крайнего идеализма. Тем не менее Синезий сталкивался и вступал в споры с софистами и монахами, которые наводняли такой большой город, как Александрия. Его "Дион" представляет род литературной самозащиты; при этом Синезий нападает на софистов с большей силой, чем на монахов. Он с презрением говорит о них, что они пренебрегали свободными науками и философией и были пошлыми говорунами. Недостаток мыслей, обилие слов — вот что характеризует этих "людей, всегда готовых говорить, хотя они не имеют ничего, о чем

¹ PG, t. 66, col. 1353. ² Ibid., col. 1485.

³ E. L. Bourey. De Isidoro Pelusiota. Nîme, 1884; N. Crawford. Synesius the Hellene. London, 1901, p. 415.

⁴ Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии, т. 34. Творения Исидора Пелусиота, ч. І. М., 1859, письма 232 (стр. 143—144) и 418 (стр. 236).

5 PG, t. 66, col. 1157.

6 Ibid., col. 1533.

следовало бы сказать". Сам Синезий с глубоким уважением относился к наукам. Не менее велико его уважение к греческой литературе, которую он называет "общим достоянием всех эллинов"1.

По отношению к христианским монахам Синезий в своем труде должен был высказываться очень осторожно. Тем не менее он осуждает монахов за пренебрежение науками и древнеэллинским образованием. Он указывал монахам, что истина не может быть постигнута сразу, что она требует для своего постижения долгого предварительного труда. Превосходство эллинов перед варварами, как Синезий именует монахов. и заключается в том, что они не пренебрегают науками, но пользуются ими как средством к достижению "высокого созерцания". Без ума, говорит Синезий, невозможно общение с богом. Только немногие из монахов достигают поставленной цели. Для большинства же восхождение к высшему было невозможным, а их возвращение к действительности оказывалось стремительным падением. "Верх безобразия, — писал Синезий, — быть самому невеждой и все же учить других. Это значит производить подобных себе уродов". Синезий высмеивает монахов за то, что они считали добродетель целью существования. Так, практикуя воздержание ради самого воздержания, монахи, по его мнению, допускают явную несообразность. Если воздержание само по себе похвально. то почему же мы не удивляемся ему, когда находим его у некоторых животных. Воздержание животных, очевидно, есть дело инстинкта, а не разумного намерения. Но для того чтобы воздержание имело значение как добродетель, оно должно соединяться с другой добродетелью благоразумием и служить средством для высших целей. Поэтому четыре платоновские добродетели, согласно Синезию, имеют значение только тогда, когда соединяются вместе или когда с каждой из них соединяется благоразумие².

Пробыв два года в Александрии, Синезий в начале 405 г. возвратился на родину. Женитьба, вероятно, снова примирила его с отечеством, которое он оставил с таким огорчением и неудовольствием. С этого времени в течение пяти лет Синезий жил как состоятельный аристократ или в родном городе Кирене, или в своем деревенском имении Ангимахе, на южной границе Киренаики, где он был занят хозяйством, научными и литературными трудами.

В письме 114, адресованном его брату Евоптию, который вместе с ним или раньше вернулся на родину, Синезий дает восторженное описание своей резиденции. "Ты еще удивляешься, — пишет он. — что похудел и испортил свое здоровье у этих засушенных фикунтийцев. Напротив, ты должен удивляться, что твой организм преодолевает постоянную жару. Но с божьей помощью ты можешь прийти к нам и здесь получить облегчение... Как хорошо здесь скрываться под тенью деревьев и, если тебе надоест одно, ты можешь переходить к другому и даже из одной рощи в другую. Как хорошо здесь перебираться через журчащие ручейки! Как хорошо здесь, когда легкий ветерок колышет листья деревьев, сколько здесь разнообразия в пении птиц, окраске цветов в кустарниках и лугах. Все это — или плоды земледельческих работ, или подарки природы, но все это благоухает. Все это — произведения вдоровой земли. Я не могу описать гроты нимф. Для этого нужен Феокрит" 3.

PG, t. 66, col. 1144 sqq.
 Ibid., col. 1140.
 Ibid., col. 1496.

В письме 147 своему другу Олимпию Синезий описывает жизнь, которую ведет в деревне, как жизнь самую простую, патриархальную, как "жизнь во времена Ноя, когда справедливость еще не была подавлена" ¹.

Если верить Синезию, то в деревне преобладают свободные земледельцы, которые относятся к Синезию без всякого подобострастия; они по-соседски помогают друг другу в полевых работах, разведении скота и на охоте. Кругозор их очень ограничен, и они не знают ничего, что делается за пределами их округи; они с глубоким недоверием слушают рассказы, что море в состоянии доставлять людям пропитание; они знают о существовании императора, так как об этом им ежегодно напоминают налоговые сборщики, но большинству даже не известно его имя².

Население Ангимаха, по словам Синезия, не испытывало недостатка в продуктах питания: белый хлеб, всякие фрукты и овощи, замечательный мед и козье молоко (коров не доили) имелись в достаточном количестве. Изготовлялось много вина, одивкового масла, настолько жирного, что оно могло быть с успехом использовано для горения. Своим друзьям Синезий посылал в подарок превосходных лошадей, страусов, вино, оливковое масло, сильфий и другие продукты.

Любимыми занятиями его были садоводство и охота. "Мои пальцы, говорит он, — привыкли более к лопате, нежели к перу" 3. Охота была его настоящей страстью. То была соединенная с опасностью охота на диких зверей в ливийских степях и пустынях. Лошади и собаки, необходимые для охоты, были предметом его особой любви. До какой степени он увлекался охотой, показывает его собственное свидетельство, что часто во сне его воображение рисовало следы зверей, их убежища, пути и средства, которыми их должно преследовать 4.

Синезий жил попеременно в Ангимахе и Кирене. Так, в Кирене было написано письмо 109, адресованное его брату Евоптию, проживающему

в Фикунте, в 16 километрах от Кирены.

В этом любопытном письме проявляются предрассудки пентапольской знати, считавшей для себя унизительным путешествие пешком. Случилось так, пишет Синевий, что все лошади, ослы и мулы были отправлены на пастбище. Синезий хотел пройти к брату пешком, но родные признали такое путешествие недопустимым, унизительным и насильственно задержали его дома; пришлось отправить письмо с гонцом 5. Синезию очень хотелось видеть брата, который недавно был в Птолемаиде и, как обычно, привез из префектуры новости, которыми охотно с ним делилось начальство. Синезия больше всего интересует, произошло или нет какое-то таинственное событие на Западе. Очевидно, Синезий сильно интересовался событиями в Италии и Риме. Мы не знаем, идет ли здесь речь о победе Стилихона над Радагайсом (405 г.) или о гибели самого Стилихона (408 г.).

Конечно, еще больше интересовался Синезий новостями из Константинополя, которыми, в свою очередь, спешил поделиться со своим братом.

Так, он сообщает брату, что один из его соседей, врач Сириан, привез ему новость из столицы, что комит Иоанн, друг Аврелиана и

¹ PG, t. 66, col. 1549.

² Ibidem.

³ Ibid., col. 1173.

⁴ Ibid., col. 1308. ⁵ Ibid., col. 1492.

фаворит императрицы, имеет огромное и все возрастающее влияние при дворе так же, как Aнтиох, его покровитель 1 .

К некоторым известиям автор относится безразлично или иронически, другие передает с некоторой грустью. Таково письмо 127, адресованное брату, где он говорит об отставке praefectus augustalis Александрии Пентадия, дружественно настроенного к Синезию, и о замене его лаодикийцем Евталием, о котором Синезий сообщает компрометирующие его сведения: указанный Евталий сделался правителем Лидии во времена Руфина и жестоко грабил лидийцев. Разгневанный Руфин наказал его штрафом в 15 фунтов золота и послал вернейших своих служителей взыскать этот штраф. Но Евталий не растерялся. Он заготовил две одинаковые сумки, одну наполнил золотыми номисмами, а другую -медными оболами, и когда приемщики расписались в получении штрафа, он ловко подменил мешок золота мешком меди. Этот ловкий поступок вызвал в обществе не осуждение, а всеобщее восхищение. Евталий, говорит Синезий, торжественно проезжал как чудесный фокусник на государственной колеснице по изумленным городам. И вот он скоро будет наследовать Пентадию 2.

В целом Синезий был доволен своей жизнью. Подробную характеристику ее он дает в длинном 57 письме "против Андроника". "С детства, — пишет Синезий, — мне представлялось божественным благом жить в досуге и изобилии и, обладая спокойствием, воспитывать ум и приближать его к богу. Я не был причастен к тем обыкновенным занятиям, которые свойственны детству и юношеству. Также и в совершенном возрасте я оставался свободен от дел и, как в святые праздники, проводил свои дни в невозмутимо мирном и спокойном расположении духа. Однако бог сделал меня не бесполезным для людей, но весьма часто моей помощью пользовались как частные лица, так и целые города. Мне была дана божеством возможность приобрести доверие людей, и этим доверием я пользовался для добра. Ничто не отрывало меня от философии и не сокращало моего досуга. Та деятельность, которая отнимает у нас время и опутывает наши души практическими заботами, сопровождается незначительными результатами и потому она пагубна и тягостна. Но когда достаточно открыть рот, и слова сами собой производят должное действие и могут спасти от несчастья, можно ли тогда скупиться на речи... Мое влияние как оратора, быть может, было даром божественного милосердия. Может быть, я имел успех и потому, что только изредка занимался общественными делами... Я жил в мире с прекрасной надеждой как бы за священной оградой, жил свободной жизнью, разделяя ее между молитвой, книгами и охотой. Ибо для того, чтобы тело и душа находились в здравом состоянии, необходимо молиться и трудиться. И в таком спокойствии я проводил годы до моего избрания на священническую должность "3.

Таким образом, Синезий сам признает, что он любил выступать ходатаем по делам своих соотечественников и что он был проситель влиятельный, т. е. его ходатайства почти всегда увенчивались успехом. Он забывает только прибавить, что он действовал почти исключительно в интересах своих друзей, родственников, людей и лиц, принадлежащих к той же классовой группировке. И мы не имеем оснований считать, что Синезий переоценивал свои заслуги. Он имел влиятельных друзей

PG, t. 66, col. 1492—1493. Он был в 404 г. comes sacrarum largitionum. Антиох — куратор, которого по завещанию Аркадия Издегерд назначил опекуном Феодосия II.
 Ibid., col. 1508.
 Ibid., col. 1388.

как в Константинополе, так и в Александрии. Как уже отмечалось, в Константинополе другом Синезия был префект претория Аврелиан; он оставался другом софиста Троила, который, по сообщению Сократа, был первым советником префекта претория Анфимия 1. Он долгое время находился в дружественных отношениях с воспитателем императорских детей Анастасием; в Александрии его друзьями были praefectus augustalis Пентадий, Геркулиан, Ипатия, дружеские связи с которой никогда не прерывались. Эти связи Синезий умел использовать как для обеспечения классовых интересов в масштабе целой провинции, так и ради отдельных друзей. Об этом откровенно пишет он сам в письме 29, адресованном августалию Пентадию: "В том, что я тебя постоянно беспокою, обвиняй самого себя. Ты показал всем ясно, что держишь меня в большой чести, и потому открыл путь ко мне всем, кто испытывает какое-нибудь несчастье "2.

Из переписки Синезия до нас дошло не менее 20 писем, в которых автор о чем-либо просит или относительно Киренаики в целом, или относительно отдельных лиц. К письмам, касающимся всей Киренаики, относится, например, письмо 73 Троилу, в котором автор просит присылать в Киренаику правителей, которые не знают киренцев и им неизвестны и которые могут судить по справедливости, не руководствуясь личным пристрастием и капризами 3. В письме к занимающему высокий военный пост в Константинополе Симпликию 4, который был соте е t magister utriusque militiae per orientem с 396 по 398 г., писатель жалуется, что присланный Симпликием на должность военного комита Кереалий скоро покрыл позором и себя, и приславшую его власть, привел оборону провинции в полный беспорядок, заставил самого Синезия защищать свою родину, и потому, занятый этими военными делами, он не имеет времени вынимать из шкафов книги и заниматься повзией 5.

Но гораздо больще писем, адресованных правителям, касается дел частных лиц. Из этих писем мы узнаем, что в Киренаике царило сутяжничество. Синезий жалуется на множество клеветников, которые составляют настоящую язву страны, очень часто он сетует на то, что владение имуществом там не обеспечено. Показательно в этом отношении письмо Синезия воспитателю императорских детей Анастасию: "Кто-то убедил Сосену — или бог, или рассудок, или гений, чтобы поискать, нельзя ли при помощи божией достать какие-либо земли. У нас он действовал несчастливо и лишился отцовских земель и потому решил теперь плыть во Фракию, чтобы там попытаться потягаться с судьбой. И если тебе божество благоприятствует, то поручи ему юношу, чтобы изыскать какой-нибудь способ получения для него денег: Это легко для желающего. Ибо имущество Нонна Сосены без труда перешло к другому. Так пусть на это будет отвечено так, что и Сосена сделается наследником другого. И таким образом несправедливость превратится в справедливость "6. В этом письме Синезий открыто добивается передачи Сосене чужого имущества взамен отобранного и даже заявляет, что это легко сделать.

¹ Socratis Historia ecclesiastica, VII, 1. 3.

² PG, t. 66, col. 1357.

³ Ibid., col. 1437.

⁴ Cm. o nem RE, s. v. Simplicius (5).

⁵ PG, t. 66, col. 1513. ⁶ Ibid., col. 1365.

Синезий неоднократно обращается к разным лицам с ходатайствами о возвращении отобранного у его близких имущества. Так, в письме 80 к Ипатии он просит, чтобы все почитатели Ипатии, и частные лица и власти, позаботились о том, чтобы Никей и Филолай, "добрые и прекрасные юноши", его родственники, возвратились из Александрии хозяевами своего имущества 1.

В письме 118 он ходатайствует перед Троилом за своего двоюродного брата и просит освободить его и Киренаику от доносчиков, которые укоренились там и являются "отвратительнейшими зверями"². Иногда просит он об уменьшении налогового бремени. Так, в письме 38 Синезий пишет префекту претория Аврелиану: "Я полагаю, что твоя божественная душа для того нам и ниспослана, чтобы быть общим благом для людей и давать милость тем, которые ее заслуживают, которые просят справедливого, которые обращаются с тем, что отвечает твоей справедливой природе. Не потому, что Ирод — мой родственник, я поручаю тебе этого юношу знатнейшего происхождения по своим предкам, но потому, что он требует справедливого и получил отцовские земли, обязанные наследственной службой курии. А так как он сделался начальником $(\dot{\eta}\gamma \epsilon \mu \dot{\omega} \nu)$, то принуждается платить налоги и стать литургом вдвойне, с одной стороны, за свое имущество, а с другой, за свой административный пост"³. Синезий просит избавить Ирода от этого **д**войного обложения.

Нам незачем перечислять все конкретные случаи ходатайств Синезия. Мы видим, что большая часть их относилась к его родственникам и увенчивалась успехом. Но автор все-таки не совсем прав, описывая этот период (405—409) как время мирного труда. Другие письма достаточно ярко показывают, что Синезий и в эти годы своей жизни занимался не только литературой, земледелием и охотой, но должен был и воевать.

Киренаика представляла в начале V в. узкую культурную полосу, за которой начинались беспредельные пустыни Сахары с редкими оазисами, где жили кочевые племена авсуриан и макетов. Вследствие недостаточности военной охраны провинции, Синезий сам должен был заботиться о безопасности своих владений и вести постоянную войну с напалавшими на его земли кочевниками.

Письма Синезия свидетельствуют, что эта война с авсурианами велась регулярно в течение 405-409 гг. Не следует преувеличивать размеры военных действий: варвары не представляли большой опасности и отступали еще быстрее, чем наступали. О них, например, нет никакого упоминания в письме 53, которое написано летом 405 г., где автор говорит о рождении у него двух сыновей-близнецов 4.

Мы видим, что время с 405 по 409 г. Синезий проводил в Киренаике, то в городе Кирене, то в своем деревенском имении, занимаясь наукой и литературой, садоводством, охотой, перепиской с друзьями, хлопотами по отстаиванию их интересов и, наконец, организацией защиты Киренаики от набегов кочевников.

Синезий в своей провинции прослыл человеком очень влиятельным и активным. Именно поэтому в 410 г. он был избран епископом жителями города Птолемаиды, который в то время был главным административным центром Киренаики. Епископ этого города являлся первым среди всех 15 епископов Киренаики. Понятно, почему жители Птолемаиды остано-

¹ PG, t. 66, col. 1453. ² Ibid., col. 1497. ³ Ibid., col. 1364. ⁴ Ibid., col. 1380.

вились на кандидатуре Синезия. В V в. значительно изменяется социальный состав верхушки клира. Еще в конце IV в. Григорий Назианзин жаловался, что народ стал искать среди епископов все, что угодно, но меньше всего пастырей душ. Народ, говорит он, ищет теперь "не иереев, но риторов; не строителей душ, но хранителей имуществ; не жрецов чистых, но сильных предстателей". В некоторых городах, по свидетельству Иоанна Златоуста, для того только выбирали в епископы людей знатных и богатых, чтобы они ничего не требовали от церкви на свое содержание, а, наоборот, тратили свои средства на церковные нужды².

Очевидно, именно этим стремлением получить в лице епископа влиятельного заступника руководствовались и граждане Птолемаиды в избрании своим епископом философа-неоплатоника Синезия.

Избрание это поставило Синезия перед трудной проблемой. О том, как он отнесся к этому избранию, подробно говорит письмо 105, адресованное его брату Евоптию, но рассчитанное на то, чтобы его прочли и патриарх Феофил, и схоластики, помогавшие патриарху управлять александрийской церковью. Это письмо было доставлено в Александрию Павлом и Дионисием, двумя депутатами, избранными жителями Пентаполя ходатайствовать перед патриархом об утверждении избрания. О чем говорит это письмо?

Синезий всегда служил не за страх, а за совесть своей классовой группировке. Епископская должность предоставляла ему самое обширное поле для подобной деятельности. Растущее могущество епископов и церкви было очевидно для всех, особенно могущество епископа главного города провинции, митрополии "всего Пентаполя". Синезий знал, что от подобных выборов в то время было невозможно отказываться. Он сам писал своему другу Олимпию: "Если я откажусь от епископства, мне нужно будет вместе отказаться и от отечества, если я не хочу быть самым проклятым и бесчестным из всех, живя неразлучно с людьми, меня ненавидящими" 3.

Но если Синезию с самого начала было ясно, что отказ невозможен, то для него по многим причинам в то же время было важно показать, что он только с крайней неохотой принимает епископство, что он не хочет расставаться со своими старыми философскими убеждениями, общеизвестными, изложенными в его собственных сочинениях, которыми он гордился и которые распространял. В начале своего письма наш автор заявляет, что он не хочет расставаться со своей женой, а желает иметь от нее много прекрасных детей. Дальше указывается, что убеждения, внесенные в его душу наукой, не могут быть уничтожены, что он верит в предсуществование души, утверждает вечность мира, не согласен с главным догматом христианства — учением о воскресении мертвых. И этим далеко не исчерпываются все его разногласия с христианством. В том же письме он утверждает, что "философия находится в противоречии с большей частью народных мнений", причем под народными мнениями подразумеваются именно мнения христиан. Синезий был твердо убежден, что занятия науками и созерцательная жизнь доступны только избранным, а "черни" не следует сообщать высоких истин.

¹ Творения святого Григория Богослова, ч. IV. М., 1844, стр. 48. ² Творения святого Иоанна Элатоуста, изд. Санкт-Петербургской духовной академии, т. І, кн. 2. СПб., 1895 (О священстве, слово III, гл. 15), стр. 428. ³ PG, t. 66, col. 1465.

Таким образом, Синезий во многом отвергает христианскую догматику. Казалось бы, естественным выводом из этого должен быть прямой и категорический отказ от звания христианского епископа. Но Синезий неожиданно заявляет: "Если сделается известным то, чего я не хочу скрывать, если тот, кому дана на это власть, присоединит меня к числу епископов, то я уступлю необходимости и буду смотреть на это, как на божье повеление"1.

Несколько выше в этом же письме он уточняет условия, при которых он согласен принять епископство: "Итак, если обязанности моего епископства дозволят это, я могу быть допущен к этому достоинству с тем, чтобы, философствуя дома и занимаясь баснями вне его, ничему не учась и ни от чего не отучаясь, я получил разрешение оставаться с прежними мнениями"². Синезий хорошо знал, кому писал это письмо. Патриарх Феофил, управлявший в то время александрийской церковью, был, по выражению Исидора Пелусиота, "поклонником золота"3. Феофил видел в Синезии человека, который при своих личных качествах и авторитете мог послужить к возвыщению александрийской церкви и усилению его партии. Феофил был заинтересован в привлечении на свою сторону такого знатного, образованного, влиятельного, известного человека, каким был Синезий. И он удачно осуществил свои планы. Синезий был вызван в Александрию, прожил там семь месяцев и вернулся епископом Птолеманды. Феофил убедил нашего философа, что "философия может быть соединена со священством", и сделал ему уступку в вопросе о браке, так как в начале V в. безбрачие еще не было совершенно обязательным для епископа.

Во время семимесячного пребывания в Александрии Синезий, очевидно, изучал христианскую догматику, которую он теперь обязан был распространять, и христианскую литургику. Здесь же он, повидимому, был крещен и посвящен в епископы.

Древнее предание, сообщаемое Евагрием, Иоанном Мосхом и Фотием, утверждает, что Синезий, будучи епископом, отказался от своих нехристианских воззрений и полностью усвоил христианское вероучение.

Мы в настоящее время не имеем никакой возможности проверить правильность этого утверждения, но гимны, речи и письма Синезия, написанные после посвящения, показывают, что он усвоил христианскую догматику и, насколько это от него зависело, стремился ее распространять. Он также очень почтительно относился к александрийскому патриарху и, насколько мог, стремился точно выполнять все его указания.

Весною 411 г. Синезий вернулся в Пентаполь, облаченный в мантию птолемаидского епископа. Он, конечно, с полным основанием мог полагать, что его старый авторитет, увеличенный авторитетом епископского сана, позволит ему теперь безвозбранно господствовать в Пентаполе, а его верная служба интересам пентапольской знати будет полностью оценена. Но здесь-то Синезия постигло жестокое разочарование: вернувшись, он встретил вражду, зависть, противодействие.

Когда Синезий вернулся в Птолемаиду, в первые месяцы 411 г., положение провинции представлялось ему почти нормальным. Гражданский презид Геннадий был, по словам Синезия, человеком справедливым и неподкупным, и его дар убеждения устранял малейшее принуждение

¹ PG, t. 66, col. 1488.

 $^{^2}$ Ibidem.

 $^{^3}$ Творения святых отцов, т. 34. Творения Исидора Пелусиота, ч. І. М., 1859, письмо 152, стр. 104.

при взимании податей; поэтому земледельцу для уплаты податей не приходилось продавать свое бедное поле, обладание которым уже в течение 6 лет у него оспаривали кочевники пустыни. В то же время дукс Анисий восстановил военную оборону провинции. Он крепко взял в свои руки шумливое войско, в котором недисциплинированность солдат соответствовала жадности командиров 1.

В течение последних месяцев 410 г. Анисий разбил варваров в нескольких последовательных стычках. Во главе 40 всадников-уннигардов (очевидно, гуннов) этот полководец беспрестанно объезжал провинцию. С этими 40 всадниками он разгромил отряд авсуриан в тысячу человек, причем из этого отряда будто бы уцелела только пятая часть 2. Наконец, и лучшая часть молодежи провинции присоединилась к знаменам Анисия³. Все это объясняет дружественные отношения Синезия с ним, проявившиеся в одном эпизоде. Некий воин Карнас похитил лошадь в конюшнях епископа. Будучи уличен, он соглашался возместить убытки, но предлагал ничтожную цену. В это дело вмешался Анисий, который под караулом выслал епископу лошадь и вора. Синезий благодарит Анисия, возвращает себе лошадь и отпускает вора безнаказанным 4.

Такие заслуги Анисия побудили провинциальное собрание выразить ему специальным постановлением благодарность. Это сделал Синезий в речи, известной под названием Catastasis (2). Одновременно он просил продлить пребывание Анисия в Пентаполе и для расширения боевых средств провинции прислать новый отряй в 200 уннигардов. Таким образом, теперь он уже отказывался от своего прежнего требования употреблять для обороны Пентаполя, как и всей империи, только туземные войска.

Ходатайство это было направлено египетским властям, от которых зависело назначение дукса Киренаики. Но надежды Синезия потерпели крушение. Победитель авсуриан должен был в назначенный срок покинуть Киренаику, куда он мог вернуться только для того, чтобы навестить своих бывших друзей. Далее Синезий узнал, что вместо усиления отряда гуннов, высшие власти хотят уменьшить их содержание, отнять их лошадей, иными словами, низвести их на положение туземных войск и тем подорвать боевое рвение этих наемников, которые так много сделали для защиты страны⁵.

Но Анисий был еще в Киренаике, когда Синезий вернулся из Александрии 6. Он был еще командиром в период великого поста, так как христианская пасха приходилась в этом году на 26 марта.

Бурный натиск авсуриан начался только после отъезда Анисия, замененного малоспособным Иннокентием. Гражданское управление в это время продолжал возглавлять Геннадий, предшественник Андроника⁷.

Удаление Анисия, недовольство униигардов, недисциплинированность других наемников, разложение местной милиции, отрываемой от военной службы пожарами на полях и появлением саранчи, и неспособность нового дукса Иннокентия без замедления повлекли за собой тяжелые последствия. Авсуриане наводнили сельские местности, жгли селения

¹ PG, t. 66, col. 1576.

² Ibidem.

³ Ibid., col. 1364 и 1460.

⁴ Ibid., col. 1349—1352. 5 Ibid., col. 1444. 6 Ibid., col. 1349—1352. 7 Ibid., col. 1565—1566.

и посевы и, к огорчению епископа, разрушали церкви и оскверняли священные сосуды. Даже их женщины вторгались в римские области. Держались только города, и сам Синезий не покидал стен Птолемаиды, руководя ее обороной. К этому времени относится его знаменитая речь Catastasis, произнесенная в 411 г. в разгар авсурианского нашествия и представляющая "открытое письмо, адресованное тем, которые могут услышать наши жалобы в императорском совете". В этой речи Синезий оплакивает бедствия Пентаполя и в отчаянии пишет, что Пентаполь теперь—опустошенная страна, не приносящая никакой пользы ни собственному населению, ни императору, что она теперь—пустыня, которой угрожает опасность совершенно выйти из-под римской власти, что варвары увезли добычу, навьюченную на 5 тысячах верблюдов 1.

В своей речи Синезий требовал немедленно отправить в Киренаику отряд гуннской конницы, чтобы произвести диверсию в неприятельскую страну, а если будет принято решение держаться оборонительной тактики, то прислать 4 сотни пехотинцев и опытного военачальника². О необходимости быстрой помощи Синезий пишет и Феофилу³.

Вскоре положение изменилось. В письме 57 Синезий говорит, что военное положение уже перестало быть критическим. Опытный командир взял в свои руки руководство операциями и прославился своими военными способностями , ибо бездарного Иннокентия сменил опытный Марцеллин. Синезий пишет ему, что по окончании срока он получит, сообразно обычаю, заслуженные поздравления за свои победы. "Он так же, как в свое время Анисий, сломит варварскую ярость, восстановит дисциплину и гражданский мир, и результатом будет похвальное письмо, которым его удостоит «священник-философ» 5.

Но опасность варварского нашествия еще не была совершенно устранена, когда Синезия постигло тяжелое горе: смерть любимого сына. Синезий писал Евоптию, что в своем отчаянии он даже помышлял о самоубийстве.

Но едва Синезий возвратился в Птолемаиду, ему пришлось столкнуться с новыми трудностями. Враждебная ему группировка провела на пост презида некоего Андроника, который не обнаружил никакого желания считаться с волей птолемаидского епископа. Андроник, по словам Синезия, принадлежал к числу людей низкого происхождения, проникавших ко двору интригами и кознями и за большие деньги покупавших себе должности правителя провинции или дукса, чтобы с лихвой вознаградить себя за счет жителей вверенных их управлению провинций. Синезий, гордившийся знатностью своего рода, с возмущением отмечает, что новый презид был сыном рыбака из города Береники, не мог даже назвать своего деда, пронырством снискал себе благосклонность сильных людей и затем купил себе должность правителя Пентаполя, вопреки существовавшему тогда закону, по которому правителями провинций не могли быть лица, происходившие из этих провинций. Синезий обвиняет Андроника в том, что он при помощи своего помощника Зенаса ухитрился выколотить из истощенной голодом, саранчой, пожарами, войной провинции подати в двойном размере. Андроник

¹ PG, t. 66, col. 1569.

² Ibid., col. 1568.

Ibid., col. 1433.
 Ibid., col. 1385.

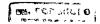
⁵ Ibid., col. 1408.

обвинил своего честного предшественника во взяточничестве, а когда один уважаемый и знатный гражданин не захотел дать ложного показания против Геннадия, он был заключен в оковы. Затем Андроник запер порты, чтобы два знатных пентапольских гражданина Максимин и Клиний, с которыми издавна он враждовал, не могли ускользнуть, а затем приказал их схватить и подвергнуть телесным наказаниям, но так, чтобы не дать возможности им умереть, дабы тем продлить и увеличить их мучения. Жестокость Андроника дошла до того, что ему казалось недостаточно имеющегося арсенала пыток, и он придумывал новые, еще невиданные орудия мучения. Когда у одного гражданина по имени Левкипп пропали вверенные ему на хранение общественные деньги, он немедленно заплатил большую часть их, а для покрытия остальных предложил продать свое имущество. Однако Андроник, ненавидевший Левкиппа за близость к Синезию, приказал его схватить, подвергнуть телесным наказаниям и держать пять дней без пищи в неприступной крепости.

"Со всех сторон сбегались ко мне, — пишет Синезий, — с жалобами. И всякий раз я поражался этими известиями и видом бедствий. Но когда я его убеждал, то не мог убедить, а когда настаивал, то раздражал. И тогда обстоятельства изобличили мое бессилие, которое до этого бог скрывал от людей, так как обо мне всюду составилось представление, как о человеке влиятельном и могущественном... После того, как я потерял любимейшего из сыновей, немногого не доставало, чтобы я покончил самоубийством. Никакими наставлениями философии я не мог превозмочь охватившее меня горе. Но Андроник превозмог и в этом и заставил обратить внимание на общественные бедствия...Я был выставлен пред всеми, чтобы все несли к моей груди свои заботы, но я мог им выражать только бесполезное сострадание...". Синезий возмущается поведением Андроника: "Таким он является в отношении меня, который ведет свое происхождение от Еврисфена, приведшего дорийцев в Спарту, а родословную наших предков показывают общественные таблицы; он же не может назвать имени своего деда и даже отца, если не прибегать к предположениям, он, поднявшийся от рыбной ловли до начальнической колесницы. Поэтому ему стыдно своей незнатности, когда он видит такую знатность моего рода. Я же и до свябыл окружен почестями и не испытывал никакого бесщенства честья" 1.

Особенно возмущало Синезия то, что Андроник, жестокий тиран по отношению к гражданам, в то же время был пешкой и безгласным орудием в руках Юлия, старого врага Синезия. В письме 79, адресованном Анастасию, Синезий указывает, что Юлий ни на ком так не проявляет своей власти, как на Андронике, и третирует его, как своего раба, публично набрасывается на него с криками и оскорблениями. Причем Андроник не осмеливается даже наедине бранить своего господина². Таким образом, жестокий Андроник, действия которого так возмущали Синезия, являлся на деле только креатурой другого сильного человека Киренаики, Юлия, врага Синезия.

Против этого ненавистного ему презида Синезий прежде всего пустил в ход свои старые связи. Он обращается во имя старой дружбы к "философу" Троилу, который пользовался большим влиянием при

PG. t. 66, col. 1392, 1393.
 Ibid., col. 1445.

дворе. Пусть Троил не откажется открыть глаза всемогущему Анфимию на события в Пентаполе. Люди в этой стране хотят только, чтобы был соблюден закон, по которому строго запрещается занимать должность начальника провинции местным уроженцам 1.

Но Троил не отвечал или дал понять Синезию, что Андроник пользуется благосклонностью воспитателя императорских детей Анастасия. Как раз в этот момент Синезий получил письмо от самого Анастасия, который просил его помочь некоему священнику Евагрию, которому

Андроник предлагал выполнять куриальские обязанности 2.

Синезий использует это письмо, чтобы представить Анастасию настоящий обвинительный акт против Андроника. Попытка помочь Евагрию безнадежна, ибо Андроник последователен в притеснении граждан. Синезий горько жалуется Анастасию, что он пожертвовал своим личным счастьем, принимая епископство. У него умер любимый сын. Андроник довершает его бедствия. Страшный фискальный гнет в его правление обрушился на Пентаполь. Взыскиваются двойные подати, взыскиваются при помощи пыток, причем придуманы новые орудия мучений. Трус и зверь одновременно, Андроник сам является орудием Юлия и Зенаса. Именно Зенас взимал двойные подати. Теперь он угрожает брату Синезия обвинением в недобросовестном выполнении посольства. Один из приближенных Андроника Фоант всем рассказывал выдуманную им новость, будто префект претория Анфимий видел сон, что он только тогда выздоровеет, когда два известных пентапольских гражданина Максимин и Клиний будут преданы смерти³.

Но Анастасий на этот раз, так же как Троил, остался глухим к жалобам Синезия, и последний жаловался Анастасию, что он предан своими друзьями, как некогда был предан Поликрат Амазисом⁴.

После этого птолемандский епископ решил самостоятельно расправиться с ненавистным ему президом, обвинив его в церковном кощунстве за то, что Андроник приказал прибить на дверях церкви декрет, запрещающий искать убежища в церкви, и заявил епископу, пришедшему просить облегчения участи жертвы, подвергнутой пытке под палящим солнцем: "Нет, враги Андроника от него не ускользнут, хотя бы они обнимали ноги самого Христа" 5.

С одобрения Исидора Пелусиота в Синезий решил отлучить Андроника от церкви. Он собрал поместный собор, на котором было постановлено подвергнуть Андроника отлучению от церковного общения. Это вместе с тем было отлучением от всего христианского общества, потому что все, даже частные лица, не должны были иметь никаких отношений с отлученным. Документ об отлучении начинался торжественно: "Андроника из Береники, который, к несчастью, рожден и воспитан в Пентаполе и который за деньги купил владычество над своим отечеством, пусть никто не считает и не называет христианином,

¹ PG, t. 66, col. 1437.

² Ibid., col. 1444 -1445.

³ Ibid., col. 1448. ⁴ Ibid., col. 1373.

⁵ Ibid., col. 1403. Андроник мог сослаться на законы Феодосия I, запрещающие клирикам укрывать должников в церкви (Cod. Theod., IX, 40. 15; XI, 36. 31 и IX, 45. 1 от 392 г.). Но позиция, занятая в этом вопросе Синезием, показывает, что, несмотря на повторение этих законов Аркадием (Cod. Theod., IX, 45. 3 от 27 июля 398 г.), они оставались мертвой буквой, пока не были официально отменены 21 ноября 419 г.
6 PG, t. 78, col. 416 B.

но как преступник против бога он изгоняется из церкви божией вместе со своим семейством" 1.

Церковное отлучение в то время было грозным наказанием, Андроник не ожидал его. Он немедленно заявил о своем покаянии, просил прощения. Духовенство Птолемаиды поддерживало просьбу Андроника, и Синезий был вынужден отменить отлучение. Но поведение птолемаидского презида осталось прежним, и это давало епископу возможность в любой момент возобновить свое отлучение. Представитель одной знатной фамилии Магн внезапно умер под пытками². И это позволило Синезию немедленно отлучить Андроника от церкви как нераскаявшегося грешника. Борьба между птолемаидским епископом и президом кончилась полной победой епископа. Хотя мы не знаем всех обстоятельств, при которых произошло падение Андроника, но он очень скоро был лишен своей должности и вызвал против себя целую волну обвинений, так что епископ, морально добивая Андроника, счел необходимым выступить даже в его защиту и писал патриарху Феофилу: "Отнята справедливость у людей. Андроник раньше совершал несправедливости, а теперь сам им подвергается. А обычаи церкви таковы, что она принижает возвышающихся и поднимает приниженных... И если твое божественное благочестие удостоит его некоторой заботы, я буду считать это величайшим доказательством того, что этот человек еще не совершенно оставлен богом"3.

Для биографии Синезия большое значение имеют письма 13 и 12. Они говорят о деятельности Синезия в последний или, как более вероятно, предпоследний год его жизни.

В области церковной политики наиболее крупными были мероприятия против еретиков — евномиан. Непреклонен Синезий в отстаивании церковного имущества. Попрежнему он выступает ходатаем за своих сограждан. Он привык надеяться на патриарха Феофила, который не отказывал ему в своей поддержке, а еще больше на Ипатию, которая была его верной посредницей. Но иногда Синезий, чтобы добиться "правосудия", не колеблясь, пускает в ход свою личную епископскую охрану, во главе которой стоял священник "удивительный Мартирий". От него плохо пришлось некоему Петру, который привык захватывать чужое имущество и который, очевидно, покусился и на церковную собственность. Петр угрожал пожаловаться в Константинополь. Поэтому Синезий просит старого своего друга — константинопольского поэта Феотима, знакомого префекта Анфимия, и философа Троила задушить эту мерзкую попытку в зародыще 4.

Но в письмах 412 г. явственно проявляется и новая нотка усталости, убеждения, что он — Синезий — потерял свое былое значение, что ему уже не на кого опереться. Мы не знаем, какие у него были основания для этого. Известно только, что в конце 411 г., после старшего сына, умер и его второй сын⁵. Он не может искать утешения у Евоптия, ибо брат Синезия оставил Киренаику. Причину этого отъезда позволяет отгадать письмо 92, адресованное Исихию, с которым Синезий вместе учился у Ипатии "тайнам священной геометрии". Синезий поздравляет Исихия с крупным успехом по службе и вместе с тем горько упрекает его за то, что он, изменив чувству товарищества.

PG, t. 66, col. 1400.
 lbid., col. 1436.
 Ibid., col. 1456.

⁴ Ibid., col. 1370.

⁵ Ibid., col. 1456.

вписал своего старого друга Евоптия в списки декурионов. Синезий просит: "Возврати мне брата, который — знает бог — именно из-за этого находится в чужой стране. По крайней мере мне, который после стольких постигших меня испытаний нуждается в постоянном утешении, он не представляет никакого другого оправдания в своем отсутствии" 1.

Очевидно, Евоптий уехал из Киренаики в Египет, чтобы избавиться от декурионата и избежать разорительных обязательств, которые накладывало на него это звание. В этом же письме упоминается и теща Евоптия, которая сообразно закону (Cod. Theod., XII, 1. 16) обязана была выполнять повинности, оставленные ее зятем, и, кроме того, выплатить штраф за его бегство. Характерно, что Синезий, прося о снятии штрафа и об исключении Евоптия из списка декурионов, даже не интересуется тем, может ли это выполнить Исихий на основании римских законов, ярым защитником которых выставлял себя сам Синезий. Он исключительно взывает к старому товариществу и дням совместной учебы.

Время текло, и горизонт Синезия все более омрачался. Письмо 12 сообщает о смерти патриарха Феофила, который дал Синезию жену, потом поставил его в епископы. Зимой, повидимому в начале 413 г., умер последний его сын 2 .

В этом положении Синезий еще раз обращается к Ипатии. Приведем последние письма к ней полностью. В письме 80 Синезий жалуется, что он потерял все свои связи и у него осталась старая дружеская связь с одной Ипатией.

"Если не всего меня судьба лишила, то сделала все, что могла. Она лишила меня многих прекрасных сыновей. Но желать всегда самого хорошего и помогать всегда обиженным — этого она никогда у меня не отнимет.

...,В древности были сильны милетяне". Было время, когда и я мог приносить пользу друзьям, и ты называла меня "чужим добром", поскольку я щедро тратил свое влияние у сильных людей. Но теперь я лишен всего. Разве ты еще можешь что-либо сделать, так как и тебя вместе с добродетелью я считаю лучшим своим добром. Ты же всегда имела большое влияние и теперь имеешь, прекрасно пользуясь своим авторитетом. Поэтому пусть будет заботой всем тебя почитающим и частным лицам и властям, чтобы Никей и Филолай, добрые и прекрасные юноши, мои родственники, возвратились хозяевами своего имущества"3.

В письме 16 той же Ипатии Синезий говорит уже о своей болезни. "Распростертый на ложе, диктую это письмо и желаю, чтобы ты получила его здоровой, мать, сестра, учительница и чрез все это благодетельница. У меня же слабость тела вытекает из болезни духа. Меня постепенно убивает память об умерших детях. До той поры следовало жить Синезию, пока он не был затронут бедствиями жизни. Но они, как прорвавшийся поток, пронеслись быстро и унесли с собой всю ч сладость жизни. О если бы я перестал или жить, или помнить о смерти детей! Ты же будь здорова и обними блаженных товарищей, начиная от отца Феотекна и брата Афанасия, всех без исключения. Если ты проявляешь какую-нибудь заботу о моих делах, то хорошо поступаешь, а если нет, то и я о них ничуть не беспокоюсь" 4.

¹ PG. t. 66, col. 1457. ² Ibid., col. 1433. ³ Ibid., col. 1452—1453. ⁴ Ibid., col. 1352.

Это письмо — последнее из дошедших до нас писем Синезия. Дальнейших сведений о нем мы не имеем. Во всяком случае, он умер до марта 415 г., поскольку в его корреспонденции не сохранилось никаких откликов на трагическую гибель Ипатии. Кирилл сделался патриархом осенью 412 г., но имя его также не засвидетельствовано в переписке.

На основании подписи под актами Эфесского церковного собора (431 г.) предполагают, что преемником Синезия в звании епископа был его брат Евоптий, хотя основанием для такого предположения служит только сходство имен.

П

Пентаполь, или Киренаика, в описываемое время был заселен подданными Восточной Римской империи только в северной части, которая представляет собой плато, круто обрывающееся к морю, образуя большой выступ, ограниченный на западе заливом Большого Сирта, на востоке—заливами Бомба и Салум; к югу плато плавно понижалось. Большая часть плато была покрыта плодородными красными землями и растительностью средиземноморского типа.

Область Пентаполя в античную эпоху славилась своим плодородием. Ее вина, оливковое масло, пшеница, шафран, розы, так же как ее овцы и скот, упоминаются в классических источниках. Ее порода лошадей была знаменита. Но наиболее характерным и важным продуктом страны был сильфий, который в диком состоянии рос на плато на значительном расстоянии от побережья. Сильфий составлял некогда богатство Киренаики, и название его вошло у античных писателей в поговорку в смысле бесценного сокровища. Отвердевший сок сильфия ценился на вес серебра и хранился вместе с сокровищами государства. В настоящее время сильфия, повидимому, не существует.

Высокому экономическому уровню Киренаики античной и эллинистической эпохи соответствовал и высокий культурный уровень. Киренаика дала миру таких крупных деятелей культуры, как философ Аристипп, поэт Каллимах, ученый Эратосфен.

Основание Александрии было ударом для Кирены, хотя она долго еще оставалась крупным экономическим и культурным центром античного мира. В начале І в. до н. э. Пентаполь стал римской провинцией.

Кризис рабовладельческого способа производства все более подрывал производительные силы античного общества и ослаблял те экономические связи, которые прежде существовали в империи. Это ощущала на себе и Киренаика. Налоги были слишком тяжелы, особенно были велики налоги на сильфий. Беззаботность римской администрации постепенно приводила к уничтожению этого растения. События 116 г. еще более пагубно отразились на благосостоянии провинции, о которой за время от Адриана до Синезия до нас вообще дошло очень мало сведений. Синезий говорит и в письмах и в других сочинениях об упадке Пентаполя. Он, как известно, был большим патриотом, и у нас нет основания не доверять его сообщениям.

Пентаполь получил свое название от пяти греческих городов, расположенных на его территории. Эти города — Кирена, Птолемаида, Аполлония (Фикунт), Тевхира, Евгесперида (Береника). По мере захирения

¹ RE, s. v. Pentapolis, Kyrene.

главного города — Кирены — первенство заняла Птолемаида, которая в конце концов стала главным городом провинции. При Константине Киренаика была отделена в административном отношении от острова Крита и получила свое самостоятельное управление.

Что касается Кирены, то уже Аммиан Марцеллин сообщает в своей "Истории" (XXII, 16. 4), что "в Ливийском Пентаполе лежит Кирена, древний, запустевший ныне город". Это сообщение уточняет Синезий в речи "О царстве", говоря о Киренаике: "Меня послала к тебе Кирена увенчать твою голову золотой короной, а твою душу — философией; Кирена, город греческий, имя древнее и почтенное, некогда предмет воспевания тысячи поэтов, теперь же бедная и опустошенная, груда развалин, просящая императора, чтобы он сделал что-либо достойное ее древнего происхождения".

В начале V в. в Кирене еще сохранялись некоторые остатки памятников, украшавших ее в период ее славы. В Кирене были найдены выдающиеся произведения античной скульптуры². Всего более удивляет путешественника громадный город мертвых, окружающий то, что было некогда городом живых. Кажется, что вся Кирена была обширным некрополем. Грандиозность этих сооружений объясняет нам, почему Синезий в своих письмах постоянно ссылается на дорические гробницы своих предков.

Портом Кирены являлась Аполлония, которую Синезий называет Фикунтом. Благодаря своей небольшой гавани, хорошо защищенной от волн цепью островов, этот приморский город приобрел в V—VI вв. н. э. крупное значение, на что указывают обломки памятников, которые все еще видны внутри старых городских стен и даже за городской стеной. Аполлония находилась в 16 км от Кирены, которая стояла на самом краю плато, откуда открывался вид на расстилающиеся внизу равнины и холмы побережья. В 100 км к юго-западу от Кирены на плоскогорье, в одной котловине (бывшем дне озера) длиной в 30 км и шириной в 10—12 км, был расположен древний эллинский город Барка, соперник Кирены. Но при Птолемеях главным городом страны была сделана морская пристань Барки, называемая Птолемандой. В начале V в. Птолеманда была резиденцией епископа-митрополита всех церквей Киренаики, гражданского губернатора-презида и военного начальника-дукса, ведавшего обороной Пентаполя. Это сосредоточение администрации придавало городу известное оживление. Как показывают раскопки³, Птолемаида в указанное время была хорошо обстроена. Найден и царский портик, о котором говорил Синезий. Но благосостояние Птолемаиды, однако, нельзя преувеличивать, так как Синезий в акте отлучения Андроника прямо оговаривает, что птолемаидская церковь была "бедна"⁴. Притом Птолемаида недолго оставалась административным центром Киренаики, и уже в 430 г. Notitia dignitatum административным центром Киренаики называет Сусузу (бывшую Аполлонию).

Что касается Тевхиры (совр. Токра), также приморского города Пентаполя, то в настоящее время он уже не имеет порта. Но городские стены Тевхиры принадлежат к числу наилучше сохранившихся памятни-

¹ PG, t. 66, col. 1056. См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 338.

² E. A. Gardner. The Aphrodite from Cyrene. «The Journal of Hellenic Studies», vol. 40, 1920, plates 9, 10.

 ³ Archäologische Funde in Italien, Tripolitanien, der Kyrenaika und Albanien vom Oktober 1936 bis Oktober 1937. «Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts», Bd. 52. Berlin, 1937, S. 457—458.
 ⁴ PG, t. 66, col. 1401.

ков, оставленных нам античным миром. Вновь отстроенные Юстинианом, они покоятся на древних фундаментах: 24 башни фланкируют эту великолепную ограду.

Наконец, Евгесперида (ныне Бенгази) — единственный из пентапольских городов, который сохранил до настоящего времени значение крупного центра.

Общая картина состояния земледелия, промыслов, торговли на территории этих городов и вообще всей провинции, рисуемая Синезием, является мрачной. Синезий был большим патриотом своей родины. Значительную часть своего времени он посвящал сельскому хозяйству и обо всем, окружающем его, говорил с любовью и интересом 1. И, конечно, если бы он мог говорить об общирных посевах пшеницы, о горных склонах, покрытых виноградниками и оливками, о бесчисленных стадах овец, он, конечно, сделал бы это. Письма представляли полную возможность для этого, так как в них неоднократно говорится и о занятиях земледелием, и о садоводстве, и о скотоводстве, но нигде он не говорит, что в его время эти отрасли хозяйства процветали в Киренаике. Зато на многих листах своей переписки он останавливается на причинах, которые, по его мнению, вызвали захирение страны, и, кроме главной, по его мнению, причины — плохого управления, указывает и на стихийные бедствия, постигавшие страну — землетрясения, налеты саранчи², уничтожение пожарами посевов трех городов и, наконец, на постоянные набеги кочевых племен.

Главным источником существования населения являлись земледелие и скотоводство, причем скотоводство по своему значению не уступало земледелию.

В письме своему другу Симпликию, написанному в тяжелое время вражеских нашествий, Синезий замечает, что "богатство большинства из нас составляют скот, стада верблюдов и табуны лошадей", и добавляет, что в указанное время все это в значительной части погибло или было угнано врагами⁴.

В южной части провинции, где было имение Синезия, пасли овец и коз. Синезий упоминает также о быках и добавляет, что там пьют козье молоко, но "не доят коров" 5 .

Часто он сообщает о стадах, охраняемых от волков пастухами и собаками ⁶. Синезий — большой любитель лоша*д*ей и говорит о них очень часто и так же, как собак, считает необходимыми для охотника 7 . Он посвящает много времени дрессировке собак для охоты 8. В его письмах упоминаются также мулы 9.

Хотя Синезий говорит, что богатство людей его круга состоит главным образом из скота, однако он продолжает оставаться богатым, несмотря на то, что, как он сообщает в письме 129 Симпликию, стада его погибли. В то же время он заявляет, что если выселится на острова, то из богатого сделается бедным 10. Очевидно, его средства заключались главным образом в земельной собственности, так же как и средства

¹ PG, t. 66, col. 1328—1341; 1384—1400; 1457—1460; 1473—1477; 1504; 1529.

² Ibid., col. 1400.

³ Ibid., col. 1573.

⁴ Ibid., col. 1512.

⁵ Ibid., col. 1548.

⁶ Ibid., col. 1484—1488. 7 Ibid., col. 1488. 8 Ibid., col. 1488.

⁹ Ibid., col. 1325.

¹⁰ Ibid., col. 1572.

других зажиточных куриалов в Пентаполе. И действительно, мы знаем одно из имений Синезия, называемое Ангимах, а также и то, что он имел сады в Кирене. Он щедро посылал своим друзьям подарки: вино, оливковое масло, лучший шафран, сильфий (сок), хотя последний в Киренаике в V в. являлся уже редкостью 1. Синезий сам удивился, когда получил от брата в подарок сильфий и узнал, что это растение вырослов саду брата 2.

Мало мы узнаем из писем Синезия о городском ремесле и торговле. Крупные землевладельцы не интересовались торговлей, так как имели рабов всевозможных специальностей. Им не было нужды обращаться к рынку, разве лишь для покупки редких, дорогих изделий. Конечно, в городах Киренаики занимались и текстильным производством и металлообработкой. Причем использовался труд юридически свободных, но фактически зависимых от правительства ремесленников, подобных "податным" ремесленникам эллинистической эпохи. Эти ремесленники работали или в общих эргастериях, или индивидуально, в зависимости от характера специальности, но в том и в другом случае они образовывали корпорации, обязанные по круговой ответственности платить подать (канон) и нести службы (литургии) государству, именно ведомству "священных щедрот". Они вместе с потомством навсегда прикреплялись к своей корпорации и в случае бегства безжалостно "возвращались к узам собственного ремесла и происхождения". Все эти монополии находились в непосредственном ведении чиновников-прокураторов, подчиненных комиту "священных щедрот". Но кроме правительственных эргастерий, были также эргастерии, принадлежавшие городам и церковным учреждениям, а также частным лицам, в первую очередь купцам; этим делом не пренебрегали и аристократы.

О том, что знать Киренаики владела эргастериями, говорит письмо 42. В нем Синезий обращается к правителю провинции со следующей просьбой: "Родственник мой обижен несправедливо. Ты же являешься другом и можешь судить. Этим ты одновременно и одинаково можешь угодить и мне и закону. Итак, пусть будет закреплено за ним владение керамическими мастерскими (δεσπότης εἶναι τῶν χεραμίων), которые были ему оставлены завещанием отца" 3.

Наконец, существовали свободные ремесленные корпорации, которые несли повинности государству. Но ввиду того, что государство считало всех фактически прикрепленными к своим занятиям, различие между правительственными и свободными ремесленниками едва ли могло быть существенным.

Торговля, так же как и ремесло, в значительной части обслуживала нужды государства и представляла правительственную монополию. Торговцы образовали такие же зависимые корпорации, как и ремесленники. Существовала и частная торговля, отчасти посредническая, но это была главным образом торговля местными товарами. Эта торговля находилась в руках восточных—сирийских, еврейских и египетских купцов.

Лучшие мастера серебряных дел по заказу Синезия изготовили планисферий для подарка Пеонию. Они же изготовили для ополчения, организованного Синезием и за его счет, несколько сот копий, мечей, обоюдоострых секир, которыми он вооружил своих ополченцев,

¹ PG, t. 66, col. 1521.

² Ibid., col. 1489.

³ Ibid., col. 1365.

помогли ему построить баллисту, о которой он рассказывал в письме 132. В Киренаике можно было также изготовить новые луки и исправить старые, но Синевий был вынужден просить у сирийца Олимпия присылки хороших седел и узд для лошадей.

Письма Синезия свидетельствуют о том, что производство самых обыденных предметов потребления и торговля ими не были достаточно развиты в городах Киренаики. Характерно в этом отношении письмо 52, адресованное брату в Фикунт. В этом письме Синезий пишет: "Прибыл из Афин некий продавец башмаков, у которого в прошлом году ты купил башмаки... Теперь же, говорят, он привез больше товара, привез аттические одежды и подобающую тебе и мне летнюю верхнюю одежду. Поэтому, прежде чем он успеет все или лучшие вещи распродать (приходящие первыми заботятся о себе, а не о последующих), призови иностранца и купи мне три или четыре костюма. Все, что ты затратишь, возместим тебе с избытком"1. Из этого письма видно, что афинский башмачник (κρηπιδοπώλης) два года подряд привозит в Киренаику башмаки и летнюю верхнюю одежду. Видим далее, что Синезий боится, как бы привезенные афинянином лучшие вещи не были быстро распроданы, и предлагает брату поскорее закупить летние одежды, "приличествующие тебе и мне". Очевидно, такое приличествующее Синезию летнее платье нелегко было добыть без помощи странствующего афинского купца.

В то же время сам Синезий говорит, что лучшие изделия и вещи он предпочитал покупать или заказывать в Александрии. Так, приготовленный по его заказу "гидроскоп", или вернее ареометр, о котором идет речь в письме 15, был сделан не в Киренаике, а в Александрии. Роскошный ковер, привезенный им в Константинополь и возбудивший жадность нотария Астерия, был александрийской работы.

Вместе с тем Синезий дает понять, что преобладающим занятием населения Киренаики было земледелие. Так, он называет серьезным общественным бедствием пожар посевов трех городов². Он же говорит, что в Кирене значительную часть населения составляли садовники (χηπουροί) и лишь в порту Фикунт — моряки. И те и другие, по мнению Синезия, непригодны для войны с кочевниками 3.

Киренаика, находящаяся на окраине Восточной Римской империи, поддерживала торговые и всякие другие связи с империей главным образом морем. Море связывало Киренаику с Фракией (Ер. 129, 133), Афинами (Ер. 52), Египтом (Ер. 147, 132), Кипром (Ер. 147), Сирией (Ер. 147). Впрочем в письме 147 Синезий объясняет, что он и живущий в Сирии его друг Олимпий имели хорошее оправдание нерегулярности своих сношений, так как "никто из эллинов, живущих в нашей Ливии, не заботится посылать торговых людей в ваше море, а сирийцы не заботятся о посещении портов Киренаики" 4. Своим друзьям в Константинополе Пилемену, Проклу, Трифону Синезий посылает в качестве подарков сильфий, вино, оливковое масло, шафран, страусов ⁵ и, в свою очередь, получает из далекой Сирии лошадей и другие подарки 6.

Из указаний Синезия на морские путешествия видно, что в восточной части Средиземноморья еще пролегали торговые пути и люди

¹ PG, t. 66, col. 1380.

² Ibid,, col. 1573.

³ Ibid., col. 1517 ⁴ Ibid., col. 1544. ⁵ Ibid., col. 1521. ⁶ Ibid., col. 1520.

равного положения с Синезием считали регулярные морские путешествия обычным явлением в своей жизни. Частые путеществия из Александрии и даже из Пентаполя во Фракию упомянуты в разных местах переписки 1. Афинский торговец является два года подряд в Π ентаполь². Когда Синезий проектировал свою поездку в Афины, он поручил брату, жившему в Фикунте, сообщить, когда судно будет готово для отплытия в Пирей 3. Судно Синезия, посланное в Константинополь с подарками и ковром, совершало туда уже третий рейс со времени отъезда Синезия из Константинополя 4.

Когда буря забросила Синезия в Азарий во время его беспокойного путешествия 402 г., там находилось не менее 5 судов, укрывшихся от бури 5. Но судоходство между Киренаикой и Александрией, повидимому, не находилось в цветущем состоянии. Корабль, который в 402 г. вез Синезия и 50 других пассажиров из Александрии в Киренаику и обслуживался капитаном и 12 матросами, был плохо оборудован, экипаж его составляли плохие моряки, а капитан его Амарант, по сообщению Синезия, был так обременен долгами, что только смерть казалась ему избавлением от них.

Кредит был необеспечен, а проценты высоки. Синезий, отправляясь на родину из Константинополя, занял 60 номисм у своего друга — "удивительного" Прокла. Прокл написал долговую расписку на 70 номисм. Синезий возвратил 80 номисм, на одну треть больше, чем занял, но, в свою очередь, потребовал у Прокла расписку в получении денег⁶.

Должности правителей провинций, как и вообще все ответственные должности, продавались правительством за большие деньги; искатели этих должностей делали при их покупке большие долги, и Синезий писал своему другу Пилемену, что он может в Константинополе легко заметить новых получателей должностей по "хвосту" заимодавцев, $\mathsf{c}_{\mathsf{\lambda}\mathsf{e}_{\mathsf{\mathcal{I}}}\mathsf{y}}\mathsf{ю}\mathsf{щ}\mathsf{u}\mathsf{x}$ за ними $^{7}.$

Как это и подобало человеку знатного происхождения, Синезий, восхваляя жизнь земледельческую, с величайшим презрением относится к "племени" людей, делающих деньги, называет их подонками общества, какие могут пользоваться почетом только в совершенно развращенном мире. "Я, — говорит он, — считаю профессию, ставящую своей целью наживу, низкой, нечестивой и совершенно неблагородной; в одном только больном государстве она может занимать не совсем низкое место. Такие люди сами являются виновниками своей низости, потому что мыслят о главном и второстепенном в противоречии с велениями природы. Природа определила тело на служение душе, внешние блага на служение телу. Последнему она дала второстепенное место. Они же и душу и тело подчиняют наживе. Поэтому, бесчестя самих себя и порабощая главное в себе, что они могут сделать и посоветовать великого и благородного? Признавая их ниже и ограниченнее муравьев, я не покраснею за истину. Ибо те измеряют приобретение потребностями жизни, тогда как эти находят возможным жизнь измерять приобретением и потребностью прибыли "8.

¹ PG, t. 66, col. 1404—1405; 1509—1512; 1521. ² Ibid., col. 1380. ³ Ibid., col. 1381. ⁴ Ibid., col. 1405. 5 Ibid., col. 1227

⁵ Ibid., col. 1337.

⁶ Ibid., col. 1509. ⁷ Ibid., col. 1469.

^{·8} Ibid., col. 1101. См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 355.

До нас дошло единственное письмо (Ер. 121), адресованное Синевием торговцу (некоему Анастасию), притом письмо непривычно резкого для нашего автора содержания 1. Указанный Анастасий был, очевидно, обвинен пред судом за какие-то махинации с целью извлечения прибыли и искал заступничества Синезия. Но Синезий, уже бывший епископом, заявляет, что он желает гибели всех злодеев, подобных Анастасию, и подвергает его церковному проклятию, так как не может найти более строгого наказания².

В Пентаполе было немало состоятельных людей, принадлежавших к куриальской знати. К их числу, несомненно, относился и сам Синезий. Он получил от своего отца значительное наследство и в городе и в деревне. Правда, Синезий считает себя плохим хозяином. По его словам, он заботился не об увеличении своего имущества, а только о пополнении своей библиотеки. "Я, — пищет он, — уменьшил земельные владения, многие из моих рабов сделались равноправными гражданами; золота я не имею ни в женских украшениях, ни в монете (а то, которое было, истратил, подобно Периклу, на нужное), но зато значительно увеличил количество книг (в своей библиотеке) по сравнению с полученными по наследству"3.

"Мы не богаты, — писал он затем своему другу Пилемену, с теми же ресурсами другие люди были бы более чем умеренно богаты, но я плохой распорядитель. Однако мое наследственное владение держится, несмотря на крайнее пренебрежение им (со стороны его владельца), и способно поддержать философа". В том же письме он говорит, что нагрузил корабль подарками для своих константинопольских друзей.

Своему другу Уранию он посылает морем в подарок коня и сам получает от сирийского друга Олимпия прекрасную лошадь 6. Планисферий, подаренный им Пеонию, был сделан лучшими серебряных дел мастерами 7. Он покупает для себя одежды без всякой бережливости⁸. Много раз он упоминает, что ему принадлежат рабы, лошади, собаки и книги 9.

Два письма, написанные им уже во время епископства, показывают, что широкое гостеприимство было его обычаем и что для этого у него была благоприятная обстановка¹⁰.

Богатым был, очевидно, молодой родственник Синезия Никей. Синезий высказывает недовольство, что он отсиживается в деревне, когда в городе в суде решается вопрос, может ли этот Никей унаследовать материнское имение. Правда, говорит Синезий, там Никей наслаждается всем, что приносят времена года (в Киренаике уборка различных сельскохозяйственных продуктов растягивалась на целых восемь месяцев). "Но, — добавляет он, — всех этих благ у него было бы больше, если бы он получил и материнское имущество "11. Была богата молодая

¹ PG, t. 66, col. 1500. ² Ch. Lacombrade. Synésios de Cyrène, hellène et chrétien. Paris, 1951, p. 245.

³ PG, t. 66, col. 1157.

⁴ Ibid., col. 1521.

⁵ Ibid., col. 1364—1365.

⁶ lbid., col. 1520.

⁷ Ibid., col. 1520.
7 Ibid., col. 1585.
8 Ibid., col. 1380.
9 Ibid., col. 1481—1488; 1544—1549.
10 Ibid., col. 1409.
11 Ibid., col. 1452.

девушка, племянница Синезия. Она явилась на могилу своего родствен-ника Эсхила разряженной, обвещанной золотом и драгоценными камнями: она сидела на дорогих, роскошно украшенных носилках 1.

Были в Пентаполе и очень крупные землевладельцы. К ним, несомненно, принадлежал Артабазак, крупный сановник империи, игравший видную роль в усмирении восстания исавров в 403—404 гг. 2; он, повидимому, имел общирные владения в Киренаике³. Даже его управляющий Пимений пользовался в провинции большим авторитетом, и Синезий требует от брата, чтобы он его принял с должным почетом. Только в связи с этим Артабазаком мы получаем некоторые указания на существование в Киренаике огромных имений, которые охватывали в то время значительную часть империи. Несомненно, куриальская знать играла в Пентаполе в начале V в. большую роль, чем это обычно принято предполагать. Конечно, положение куриальской знати, на которую была взвалена громадная ответственность по сбору налогов, было нелегким.

Синезий приводит имена нескольких куриалов, которым пришлось очень трудно в правление Андроника, когда некоторые из них даже погибли. Его родной брат Евоптий, не желая выполнять куриальских обязанностей, должен был бежать из Киренаики в Египет. Но нельзя представлять характер управления провинциями Восточной империи так, что в провинции всем распоряжались императорские чиновники, а местная аристократия была совершенно отстранена. Письма Синезия, наоборот, показывают, что верхушка местной курии, а также те члены ее, которые под разными предлогами освободились от куриальских обязанностей, стремились оказывать постоянное влияние на ход политических дел, определять правительственную политику по отношению к данной провинции.

Синезий определенно говорит, что даже Андроник, в котором некоторые буржуазные историки хотят видеть врага куриальского сословия, был простой пешкой в руках Юлия, так же как и Синезий, принадлежавшего к куриальской среде. Мы видим, что эта куриальская вер-хушка Киренаики имела мощных покровителей в Александрии и самом Константинополе, и Синезий как ее вождь мог оказывать покровительство и отстаивать интересы своих родственников. Но в то же время мы видим, что курия Киренаики не была единой. В ней шла борьба группировок, и Синезий сам называет своих главных врагов, которые мешали осуществлению его планов. В письме 50 он, например, высказывает недовольство многими куриалами, которых он обвиняет в склонности к клевете 4.

Неодинаков был и образ жизни в куриальской среде. Сам Синезий был очень привязан к своим родственникам. Он питал самые нежные чувства к своей жене, любил детей и сильно скорбел об их смерти. Он был привязан к своему старшему брату Евоптию и заявлял, что все касающееся его брата близко его сердцу 5. В течение некоторого времени у него жил сын брата, и он немало заботился о его воспита-

PG, t. 66, col. 1324—1325.
 Zosima, Historia, V, 25. CSHB, Bonnae, 1837, p. 282. Cp. A. Güldenpenn i n g. Geschichte des Oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II.

Halle, 1889, S. 174—175.

³ PG, t. 66, col. 1524.

⁴ Ibid., col. 1377,

⁵ Ibid., col. 1345.

нии ¹. В другое время у него гостила маленькая дочь брата, и он нежно любил ребенка и с трудом с ним расстался, когда она вернулась к отцу ². К своей сестре Стратонике он также проявлял большую привязанность и подарил ей ее портрет с надписью: "Это изображение златовласой Киприды или Стратоники"³. Она была женой Феодосия, служившего в императорской гвардии, и Синезий просит Никандра способствовать его продвижению по службе ⁴. Он очень беспокоится о здоровье сестры и ее мужа. Родственные привязанности Синезия простирались и на всех других его многочисленных родственников, как это мы уже видели при разборе его писем.

Синезий стремился придерживаться "даконской строгости нравов" в своей семейной жизни. Гордясь знатностью своего рода, он возмущается тем, что его племянница была выдана своим дядей Иродом замуж за молодого человека, сына женщины легкого поведения и неизвестного отца. Сама же племянница, едва дождавшись семи дней со времени погребения другого своего дяди Эсхила, торжественно выехала в Тевхиру в повозке, запряженной мулами, роскошно разряженная,

в головном уборе, напоминающем башню ⁵.

Но существовали и противоположные нравы. Описывая Кесария (которого он именует Тифоном), Синезий рисует его как человека совершенно невоздержанного, который общался с людьми такого же рода. Резиденцией его жены был театр. В своих виллах они устраивали оргии, куда собирались толпы развращенных юношей и женщин 6.

В Киренаике подобную жизнь вел уже упомянутый Иоанн, который, повидимому, занимал пост трибуна. "Он гордо летал по форуму, размахивая кулаками, наскакивал на мирных людей". Он принадлежал к породе "длинноволосых дегенератов", которых Синезий презирал и которые жили беспорядочной жизнью в. Его трусливое поведение подробно описано Синезием в письме 104. Он был полон чванства и постоянно хвалился своими воинскими качествами, выставляя себя таким героем, который обеспечит победу войска. Но малейшая тревога и появление врагов-кочевников немедленно обращали его в бегство и заставляли искать укрытия в пещерах укрепленной горы.

Другой противник Синезия—Юлий—был человеком несколько иного типа. Он имел жену, которую Синезий очень уважал. Юлий по корыстным соображениям противился всем начинаниям Синезия в пользу Пентаполя. Синезий гордится его враждой, считая ее явственным признаком своей правоты В. Этот Юлий был сильным человеком в Пентаполе. По словам Синезия, его дурная, но волевая натура взяла верх даже над Андроником. Юлий поднялся высоко за счет своих сограждан, и имя его произносили с проклятием лучшие люди края. Мы не можем разобраться в справедливости этих обвинений, так же как и понять сущность тех споров, которые возникали внутри курии,—например, причины потери Синезием дружбы Авксентия, который

¹ PG, t. 66, col. 1380.

² Ibid., cel. 1381.

³ Ibid., col. 1441.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid., col. 1325.

⁶ Ibid., col. 1212; 1217; 1240—1245.

Ibid., col. 1477.
 Ibid., col. 1168—1172; 1205; 1477—1481.

⁹ Ibid., col. 1460.

поссорился из-за политических вопросов с неким Савватием и присоединидся к партии умершего Фая 1.

В Киренаике конца IV в. было очень развито сутяжничество. Упоминания о судах и судебных тяжбах постоянны у Синезия, причем важно отметить, что в противоречии со своей общей политической тенденцией. направленной на всяческое укрепление позиций рабовладельческого государства. Синезий неприязненно относится к судам. Мораль судей и адвокатов, по его мнению, оставляет желать многого. Он употребляет все усилия, чтобы отговорить своего друга Пилемена от вступления на путь адвокатуры. Он утверждал, что нет другого средства разбогатеть на судебной деятельности, как только отбросив всякую справедливость — божескую и человеческую и превратившись из почтенного человека в хитрого обманщика².

Синезий сообщает, что суды всегда переполнены, и многие процессы начинаются по несправедливым поводам. Только когда усиливались военные затруднения, судебные тяжбы несколько утихали, и Синезию даже приходилось заботиться об адвокатах, оставшихся безработными. Так в письме 59 он сообщает Анисию: "Тот, которому я вручил это письмо, хотя и философ в душе, но ритор по профессии. И пока был у нас Анисий и Пентаполь оставался цел, то и он работал у нас. А когда после твоего отъезда время нас предало неприятелям и приостановило всякое отправление правосудия, он плыть к другому форуму, где продажный язык, товар ритора, делает оратора знаменитым. Поэтому обеспечь ему дружбу человека, управляющего таким народом. И призываю в свидетели бога, закрепившего твою и мою дружбу, он возблагодарит тебя тем, что ты у него попросишь, когда он вернется по завершению дела"3.

Условием, которое стимулировало деятельность судов, было обилие доносчиков. Об этих доносчиках Синезий говорит в письмах к Троилу и Пилемену, которых он просит помочь его родственникам Диогену и Максимину, преследуемым доносчиками. Синезий пишет Троилу, что его двоюродного брата Максимина, подателя письма, "терзают доносчики, которые весьма усилились у нас в Кирене". Он просит Троила "рассказать Анфимию о нас и истине, чтобы мы освободились от этих отвратительнейших зверей. Ибо, если эти (доносчики) обогатятся, то будет много желающих выступить их последователями" 4. Синезий называет этих доносчиков отвратительными зверями, но вместе с тем забывает, что провинции были наводнены сыщиками, правительственными шпионами, которых называли curiosi — любопытствующими. Они должны были всюду присматриваться и прислушиваться, нет ли где-либо признаков назревающего народного движения, следить за недовольными и подозрительными, выявлять всякие случаи нарушения законов.

Иногда обвинения и судебные доносы бывали так обильны, что приводили в смущение самих видавших виды византийских правителей. Так, Аммиан Марцеллин рассказывает, что когда Юлиан сделался императором и явился в Константинополь, то он подвергся форменной осаде со стороны египтян. "Эти любители каверз, которым доставляет величайшее удовольствие запутывать тяжбы"5, получили приказ импе-

PG, t. 66, col. 1404.
 Ibid., col. 1469—1472; 1473—1476.
 Ibid., col. 1404.
 Ibid., col. 1497.

⁵ Ammiani Marcellini Res gestae, XXII, 6.1.

ратора переехать в Халкидон, где он обещал заняться их делами. После этого был отдан приказ начальникам судов, ходивших от одного берега к другому, не сметь перевозить в Константинополь египтян, которые, таким образом, обманувшись в своих надеждах, принуждены были вернуться домой.

Но Юлиан и по дороге в Сирию встречал бесчисленные толпы сутяжников. "Одни просили о возвращении отнятого у них насилием, другие жаловались, что они несправедливо включены в состав курий, иные, рискуя подвергнуться опасности, доходили в своем озлоблении до того, что возводили на своих противников обвинения в оскорблении величества" 1. Аммиан сообщает, что при рассмотрении всех этих дел Юлиан проявлял строгость Кассия и Ликурга.

Для Синезия особенно характерны жалобы на необеспеченность владения имуществом. Мы должны напомнить, что в IV в. получила особое развитие раздача императорских земель большими имениями в качестве собственности по вечному праву (dominium jure perpetuo) богатым аристократам-, перпетуариям". Эта собственность была все-таки условной, но условием была не военная, а хозяйственная служба, извлечение из передаваемого имения наибольшего дохода для государства. Перпетуарии были обязаны, кроме обычных трибутов, еще особым взносом за владение поместьем — "каноном". Перпетуарий отвечал за доходность имения перед государством и в случае убытков распланивался из собственных средств. Он имел право не только передавать землю по наследству, но и продавать, и дарить, и отдавать в аренду. Но если перпетуарий передавал землю человеку несостоятельному, не обеспечивавшему доходов государству, то он обязан был платить за своего заместителя из собственных средств, а если он сам оказывался несостоятельным, то поместье передавалось другому перпетуарию. Владения перпетуариев находились под наблюдением чиновников ведомства императорских имуществ — перэкваторов и цензиторов 2 .

Возможно, что земли Нонна Сосены принадлежали к такого рода владениям, и он их потерял при вышеуказанных условиях. С другой стороны, много таких земель правительством Аркадия передавалось желающим их получить, было много petitores, и Синезий мог добиваться включения Сосены в их число.

Вместе с тем известны факты прямого насилия и злоупотреблений правительственных чиновников, о которых во множестве говорят современные источники, что объясняется усиливающимся разложением правительственного аппарата рабовладельческого государства. О таких фактах прямого насилия говорит и Синезий в письме 47³.

Несмотря на распространение судебных тяжб, положение адвокатов и риторов рисуется не в радужном свете. "Я часто, — говорит Синезий, — видел судью, отмеривающего время адвокатам, а потом, в то время, как они вели тяжбу, он спал, а если и бодрствовал, то думал совершенно о другом. Оратор однако должен продолжать свое дело, чтобы окончить речь в назначенное время" 4. Синезий доволен тем, что ему не нужно считать минуты, что он не должен выступать пред "глупым судьей".

Так же незавидно положение ритора. "Говорить в театре— поистине несчастное ремесло! В самом деле, стараться угодить столь разнород-

¹ Ammiani Marcellini Res gestae. XXII, 9.8.

² Cod. Just., XI, 62.5, 6, 8; 66.1, 2, 3, 7; 69.2; 70.5; 71.1, 3, 4.

³ PG, t. 66, col. 1412—1432. ⁴ Ibid., col. 1148.

ным умам — не значит ли это стремиться к невозможному? Поистине, народный оратор — раб публики, принадлежащий всем; каждый может его мучить по собственной воле. Если кто-либо начнет смеяться, софист теряется, при виде угрюмого лица — он пугается. Если его слушают с особым вниманием, он представляет, что его осуждают. Если поворачивают голову с одной стороны в другую, он думает, что соскучились слушать. Однако он заслуживает снисходительных господ, он, который много ночей проводил без сна и много дней употребил на работу, который был, так сказать, снедаем утомлением и голодом, чтобы только составить прекрасную речь. Он является потом перед этим спесивым юношеством, слух которого он хочет очаровать; он нездоров, но он оказывает им уважение, не обращая внимания на здоровье. Вымывшись накануне, он является в назначенный день перед публикой, нарядный, выставляющий напоказ все свое обаяние. Он обращается к собранию с улыбкой на губах, кажется радующимся в то время, когда внутри терзается мучением. Он ест камедь, чтобы сделать голос громким и звучным. Ибо софист, даже серьезный, многого достигает своим голосом и не старается скрывать забот, которые ему посвящает. Он останавливается среди речи, чтобы потребовать питье, заранее приготовленное. Служитель подносит ему, и он пьет, прохлаждая горло, чтобы лучше произносить мелодичные фразы. Но все же несчастный не может снискать благосклонности публики; слушатели ждут с нетерпением, когда он кончит, чтобы смеяться на свободе. Они предпочли бы видеть его с открытым ртом, жестикулирующего и вместе с тем сохраняющего безмолвие статуи. Утомленные скукой, они могут, наконец, выйти. Я же пою только в свое удовольствие; в то время как я обращаюсь к деревьям, ручеек, который журчит предо мною, продолжает свой путь, никогда не иссякая. Это не вода клепсидры, которую общественный сторож отмеривает скупой рукой. Я могу петь или только несколько минут или в течение целых часов... Я останавливаюсь, когда хочу, а ручей течет еще и будет течь день, ночь и на следующий год, и всегда"1.

Синезий высмеивает и излюбленные темы декламаций софистов. "Я не понимаю, — пишет он, — какое удовольствие находят они в прославлении добродетелей Мильтиада и Кимона или многих других, неизвестных по имени, или в рассуждении о богатом и бедном, публично спорящих между собой. Я видел старцев в театре, рассуждающих об этом предмете. Они выказывали важность философов и имели развевающиеся бороды, на которых, я думаю, можно было бы повесить значительную тяжесть. Но важность не препятствовала им во время спора браниться, сердиться, непристойно размахивать руками. Я воображал, что они спорят о деле какого-нибудь родственника, но каково же было мое удивление, когда я узнал, что личности, которых они защищали, вовсе не были из их семейства, даже не существуют, никогда не существовали и не могли существовать. Если в девяностолетнем возрасте они рассуждают о таких жалких выдумках, то к какому времени они относят речи более серьезные?"2.

Возможно, что эти характеристики даются Синезием на основании его александрийских наблюдений, но, как видно из писем, адвокаты и риторы имелись и в Киренаике в достаточном количестве. Куда меньше было философов. Синезий во многих сочинениях и письмах жалуется,

¹ PG, t. 66, col. 1149. ² Ibid., col. 1317—1319.

что он является единственным философом в Пентаполе. "Я занимаюсь философией, — писал он Пилемену, — причем мне помогает превосходное уединение, хотя и недостает помощи от людей. Я никогда не слыхал в Ливии ни одного философского слова, ибо только мое собственное эхо должно было отвечать мне...

Мне кажется, что звезды во всяком случае смотрят на меня благосклонно, на меня, которого они видят одного в обширной стране разумным их созерцателем" ¹.

Но письмо 149 осведомляет нас, что Киренаика имела и другого философа, который к тому же приходился близким родственником Синезию.

Синезий пишет Пилемену о философе Александре, пользовавшемся повсеместно огромным авторитетом. Этого Александра в рекомендательном письме Ипатии он характеризует как "светлый луч во мраке". А из письма к Пилемену мы узнаем, что сын этого Александра был послан в столицу, чтобы очистить родину от "дурных людей". И в этом деле, которое требует силы Геракла, он нуждается в помощи Иолая—Пилемена².

В начале V в. клир уже выдвигался на видное место в городах Киренаики. Но в письмах Синезия ему уделяется сравнительно мало внимания, может быть потому, что епископская деятельность автора писем была очень непродолжительна. Во всяком случае из этих писем видно, что клир в Киренаике по своим моральным свойствам ничем не отличался от других эксплуататорских групп населения. Остановимся, например, на характеристике епископа Эритры Павла, которому Синезий уделяет большое внимание в письме 67³. Этот епископ затеял ссору с соседним епископом Диоскором Дарданисским. На границе обоих епископств — Эритрского и Дарданисского — на небольшом холме находилась старая крепость, разрушенная землетрясением. Во время варварских нападений она служила местом убежища для окрестных жителей, которые устроили в ней нечто вроде молельни или часовни, где и отправляли богослужение.

Павел, епископ Эритрский, просил Диоскора Дарданисского уступить ему эту крепость с прилежащим к ней холмом, а когда тот отказал ему в этом, то он овладел ею хитростью. Он тайно построил в часовне алтарь и освятил его, намереваясь со временем поставить здесь церковь; затем объявил эту часовню с холмом, на котором она находилась, и с прилегавшей к нему землей своею собственностью на том основании, что часовня принадлежит ему, так как он ее освятил. Павел высказал решимость защищать эту землю силой, если бы законный ее владелец захотел возвратить ее себе, и сверх того написал Феофилу кляузное письмо на Диоскора ¹.

Другого церковного деятеля— бывшего епископа Палебиски и Гидракса Сидерия— Синезий восхваляет за то, что он явился в Киренаику из войска Валента, чтобы управлять выхлопотанными им для себя имениями. По характеристике Синезия, Сидерий показал себя человеком, могущим вредить врагам и помогать друзьям, и именно за эти свои качества был избран епископом 5.

¹ PG, t. 66, col. 1469.

² Ibid., col. 1552.

³ Ibid., col. 1412. Эритра отстояла на один день благоприятного морского пути к востоку от Фикунта.

Ibid., col. 1423.
 Ibid., col. 1417.

³ Заказ 337

Нравы низшего клира были распущенны, о чем свидетельствует разбор Синезием ссоры между двумя пресвитерами Иасоном и Лампонианом: Иасон оскорбил своего товарища Лампониана ругательствами, на что тот ответил побоями 1.

Таким образом, мы видим из писем Синезия, что многие из клира, даже сами епископы, поставили целью своей жизни наживу, забыв всякие другие свои обязанности. Были и другие неустройства в церкви. Так, существовали целые группы "бродячих" монахов, которые переходили с места на место, смотря по тому, где им казалось лучше и выгоднее².

Киренаику обороняло войско, содержание которого стоило правительству очень дорого и поглощало большую часть государственных доходов.

По вычислениям Э. Штейна, содержание одного солдата ежегодно стоило государству 30 солидов³, причем в некоторых войсковых частях оно превышало и эту сумму. Содержание солдат ложилось на население провинции. Жители Пентаполя уплачивали aurum tironicum, поставляли аннону — натуральное довольствие военным частям. Но поставок провинции, повидимому, не хватало, так как Синезий сообщает, что алексанкуриалы привозили золото для содержания войсковых частей, расположенных в Киренаике. Синезий, как известно, в своей речи "О царстве" выступил горячим поборником изменения состава войска, мечтал о восстановлении прежней силы римской армии. Ему как будто удалось добиться в Константинополе признания правильности этой программы. Префекты претория Аврелиан и Анфимий, фактически управлявшие Восточной Римской империей, придерживались тех же взглядов. Но от теоретического признания было далеко до практического осуществления, хотя лица, командовавшие военными частями в Киренаике, теперь носили исключительно римские или греческие имена.

В дошедшей до нас Notitia dignitatum, показывающей размещение воинских частей по провинциям и относящейся к 30-м годам V в., отсутствует перечень воинских частей, оборонявших Киренаику. Из писем Синезия нам известно, что в Киренаике были расположены следующие воинские части: когорта далматинцев в Птолемаиде, балагриты конные стрелки из лука, маркоманны, о которых Синезий отзывается с иронией, части фракийской конницы и, наконец, уннигарды, о которых Синезий дает самый лучший отзыв. Туземные войска комплектовались из тех элементов населения, на которых особенно тяжело отражался кризис рабовладельческого общества, и потому не обнаруживали никакого желания жертвовать своею жизнью для защиты рабовладельческого строя. Федераты служили только из-за денег. Командный состав был не лучше рядового, как показывают примеры Иоанна, Хиласа, Кереалия и др. Римское правительство никогда не могло установить мирных отношений с кочевниками пустыни, хотя и делало попытки противопоставить одно варварское племя другому и из макетов рекрутировало отряды limitanei. Были построены целые линии укреплений, которые должны были прикрыть главную дорогу от залива Сирта к прибрежным городам Пентаполя 4. Но в Киренаике, так же как

¹ PG, t. 66, col. 1425.

² Ibid., col. 1429.

 ³ E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches, Bd. I, Wien, 1928, S. 508-511.
 ⁴ R. G. Goodchild. Libvan Forts in South-west Cyrenaica Antiquity. "A Quarterly Review of Archaeology", №. 99, September 1951, p. 144.

в других провинциях, постоянно существовала опасность, что федераты могут объединиться с вражескими племенами. О таком случае говорит и Синезий в письме 129, сообщая, что о беззащитном состоянии провинции узнали макеты и молва об этом скоро донеслась от полуварваров к варварам 1. Сам Синезий никогда не был высокого мнения о военных качествах макетов и авсуриан. Истощенные голодом, не имевшие хорошего вооружения, варвары не были бы опасным противником, если бы римская оборона стояла на прежней высоте.

Но по оценке Синезия римские войска не представляли серьезной военной силы, и он горько иронизирует над тем, что жителям Киренаики приходится и содержать воинов, и их охранять. Причиной негодности солдат являлась, по его мнению, негодность их начальников, которые покупали свои должности за деньги. Письма Синезия показывают, кем сплошь да рядом были эти военачальники. Так, в письме 110 он иронизирует над тем, что Хилас, бывший содержатель публичного дома, недавно купил в Константинополе должность командира "храбрейших" маркоманнов. Синезий и раньше невысоко ставил этих маркоманнов. Теперь же он пишет: "Нам справедливо предполагать, что они, и прежде бывшие хорошими воинами, теперь, получив соответствующего стратига, покажут великие и благородные деяния" 2.

Хилас был назначен командиром отдельной воинской части. Кереалий, о котором речь идет в письме 129, являжся комитом всей провинции. По сообщению Синезия, это был человек, не заботящийся о доброй славе, невоспитанный, подкупный. Полагая, что существует закон, покоторому имущество солдат принадлежит их командиру, он забрал себе то, что им причиталось, а их зато освободил от военной службы, от обязанности находиться в строю и предоставил им жить и кормиться, где каждый из них считал для себя более выгодным. И так как он не мог получить никакой добычи у врагов, то начал собирать контрибуцию с городов, помещая воинов не там, где полезнее, а там, где было выгоднее для него. Города испытывали стеснение от этой обязанности кормить и содержать солдат и должны были откупаться от этой повинности золотом. Так как Кереалий дезорганизовал оборону, то миром ему пришлось пользоваться только самое короткое время. Авсуриане, узнав об ослаблении обороны Пентаполя, стали производить систематические нападения на провинцию и причинили страшущерб местному скотоводству, которое являлось одним ный главных источников существования населения. Сам же военачальник после этого, сложив свое золото на суда, объезжал побережье и посылал всюду приказы, чтобы жители городов держались внутри стен, чтобы никто не выходил за рвы, чтобы везде были организованы четыре ночные стражи, как будто ночная бессонница жителей Пентаподя должна спасти их от всех бед. Распоряжения этого военачальника. по мнению Синезия, свидетельствовали, что этот человек "привык к бедствиям"³.

Банкротство римской обороны очень рано убедило Синезия в необходимости создать отряды местных жителей для борьбы с варварами. Он стыдит своего брата Евоптия, который проявлял мало храбрости и отказывался принимать участие в военных действиях. В письме 113 мы читаем: "Неужели мы не рискнем собой, сражаясь за нашу родину,

PG, t. 66, col. 1512.
 Ibid., col. 1492—1493.
 Ibid., col. 1513.

за наши святыни, за наши законы, за наше имущество, владеть которым нас приучило долгое время? Неужели не позаботимся мы о нашей жизни? Но тогда мы не будем мужчинами" 1.

"Поистине, ты шутишь, — писал он Евоптию в другом письме, желая воспрепятствовать нам приготовлять оружие, когда неприятель опустошает страну, умершвляет постоянно жителей и когда мы не имеем ни одного солдата для своей защиты. И в этой крайности ты хочешь еще утверждать, что частные лица не могут носить оружие. Но если является преступлением желание себя спасти, то мы можем умереть для укрощения гнева закона². Тогда я по крайней мере буду удовлетворен, покоряясь закону, а не гнусным разбойникам" 3.

Наконец, в письме 125 Синезий сообщал брату, что он собрал отряд из местных жителей и начал военные действия против варваров. Это письмо содержит также интересную характеристику римских воинов

в Киренаике.

"Печальны дела у нас, и многочисленны у нас вестники о несчастье, которых мы посылаем друг другу. Вот уже и Баттию опустошили, и вторглись в Апросилис, и гумна пожгли, и поля опустошили, и женшин отвели в рабство... А нас отнюдь не охватывает негодование. Мы сидим дома, ожидая смоковничную ограду, т. е. солдат, и у нас на языке только аннона солдат и мирные темы, как будто мы с ними должны судиться, а не защищаться от тех (варваров). И неужели мы не перестанем болтать, не окажемся благоразумными, не соберем отряды крестьян, не пойдем вместе с ними против врагов, сражаясь за наших детей, за наших жен, за наши жилища и, наконец, за наших соддат? Хорошо в мирное время болтать о том, что мы их кормим и охраняем. Но теперь я диктовал это письмо, почти не слезая с лошади. Ибо я собрал и когорты, и центурионов из тех, кто здесь находился. Собирается у меня и в Асусаманте значительное количество (воинов). И соэстам я назначил день, когда они должны быть в окрестностях

Надеюсь, что, когда мы двинемся в путь и все увидят множество юношей, собравшихся вокруг меня, гораздо больше явится незваных. Лучшие придут отовсюду, чтобы участвовать в великом деле, а худшие, чтобы участвовать в захвате добычи"4.

Партизанская война с авсурианами была для Синезия делом не новым. Он вел ее уже в 395 г., еще до поездки в Константинополь, и, повидимому, еще к этому времени относятся письма 104, 113, 124, из которых первые два были адресованы Евоптию, а третье — Ипатии. Все эти три письма были проникнуты юношеским бахвальством и подчеркивали то обстоятельство, что сознание славного происхождения от Гераклидов повышает его мужество.

Военные события, в которых участвует Синезий начиная с 405 г., описывает уже цитированное нами письмо 107, а также письма 108 и 122. В письме 108 автор сообщает, что благодаря своим связям ему удалось достать оружие: 300 копий, 300 коротких мечей. Могут быть изготовлены и булавы из диких маслин. "У некоторых из нас, — пишет Синезий, — привязаны к поясу и обою доострые секиры, чтобы разрубать вражеские щиты"5.

¹ PG, t. 66, col. 1493.

² Имеется в виду закон Валентиниана I от 364 г. Cod. Theod., XV, 1.

³ PG, t. 66, col. 1489. [‡] Ibid., col. 1504—1505. ⁵ Ibid., col. 1489.

В письме 122 он восхваляет нескольких клириков, которые показали себя мужественными патриотами. Христианские священники, пишет он, набрав толпу деревенских жителей и совершив богослужение, отправились против варваров. Они встретились с неприятелем в одной узкой, заросшей лесом и кустарниками долине. Предводителем этой невооруженной толпы был дьякон Фавст, также не имевший никакого оружия. Схватив камень, он убил встретившегося врага. Сняв с него оружие, убил еще нескольких. Его примеру последовали прочие, и вскоре вражеский отряд был уничтожен¹.

Об этих же военных действиях говорит письмо 132 к Олимпию. Олимпий был старым товарищем Синезия по занятиям в Александрии: они вместе учились у Ипатии. Из Сирии Олимпий присылал Синезию богатые подарки, Синезий старался не уступать ему в том же. Переписка друзей была затруднительна: почты для частных лиц в Восточной империи не было, и организация переписки была сопряжена с большими трудностями. Синезий просит своего друга извинить за запоздалый ответ. Ему пришлось укрыться в укрепленном месте. Но эти укрепления не имеют воды, и воду постоянно приходится добывать с боем. Синезий сообщает другу, что он в этом укреплении построил баллисту, которая способна бросать на неприятеля камни значительного веса. Олимпия на будущее время он просит присылать подарки не роскошные, а полезные, главным образом военные материалы: луки, стрелы, а также узды для лошадей. Когда наступит более благоприятное время. Синезий не откажется и от роскошного коня из конкшен Олимпия, которого тот ему предлага λ^2 .

Синезий не только сам участвовал в военных действиях: он стремился поднять энергию и своего брата. Какой стыд Евоптию, также блокированному в своем поместье, разделять страх женщин. Наш автор не щадит его, упрекая за трусость. Но к этим упрекам он присоединяет практические советы и наставления и в качестве образца рисует свою собственную деятельность. Он организует постоянные ночные караулы, утренние разведки. Синезий ничуть не доверяет фикунтийским лодочникам Евоптия, так же как и своим садовникам, но он сумел использовать в качестве воинов балагритов³. "Пока Кереалий не принял начальства над провинцией, они были конными стрелками. А после того, как он захватил военную власть и у них были отняты кони, они обратились в пехотинцев-стрелков. Но мне они годятся й без лошадей. У нас есть надобность в стрелках, чтобы иметь доступ к источникам и реке"4.

Выше мы не касались вопроса о положении непосредственных производителей в городе и деревне и не затрагивали вопроса о том, какое место среди этих производителей занимали рабы, колоны и мелкие самостоятельные земледельцы. Коротко остановимся на этих вопросах.

Что касается рабов, то, если верить Синезию, их было много в Киренаике в начале V в.. "Во всех семействах, пользующихся достатком,

¹ PG, t. 66, col. 1501.

² Ibid., cql. 1520. В противоположность ошибочному утверждению Дрюона (H. Druon. Études sur la vie et les œuvres de Synésius. Paris, 1859, р. 33—34), Синезий писал вто письмо не из Кирены, которая была обильно снабжена водой, а из своего имения, обращенного в крепость. R. Volkmann. Synesius von Cyrene. Berlin, 1869, S. 96—97.

³ Балагриты упоминаются также в письме 104 (PG, t. 66, col. 1477). Это не варварские наемники, но туземные воины, выставленные Балагрой, — местечком, расположенным к западу от Кирены по дороге к Барке. См. там же, стб. 1517.
⁴ PG, t. 66, col. 1517.

рабами бывают скифы; скифы накрывают на стол, готовят еду, разливают вино. Служители, носящие носилки, на которые садятся их господа на улицах, тоже скифы. Вообще скифы— племя, издревле рожденное для рабства, достойное и годное только на служение римлянам"1.

Много было рабов и у Синезия. Он хвастался, что освободил, следуя тогдашней моде, многих из своих рабов, что он является только старшим товарищем среди своих рабов. Но он в то же время признает, что некоторые рабы оказались не в состоянии вынести "строгости лаконских нравов", которых придерживался Синезий, и бежали от него. От других рабов, действиями которых он был недоволен, вынужден был избавиться он сам. Так, в письме 32, адресованном брату, Синезий пишет, что раб, купленный им в Александрии у наследников Феодора, был "совершенно недостоин жить с хозяевами-философами". Поэтому Синезий отправил его морем к прежним хозяевам: он поручает брату заковать строптивого раба в кандалы, так как иначе он соблазнит матросов и вместе с ними, проникнув внутрь корабля, выпьет все вино, погруженное там².

Отношение Синезия к рабам характеризует также письмо 144 к его аругу Геркулиану, высокопоставленному чиновнику в Александрии. В этом письме идет речь о розыске раба Филорома — одного из тех, которые не вынесли власти философа и "лаконского режима" и предпочли убежать в Египет. Синезий говорит, что он охотно расстался бы с ним, но этот раб принадлежит его племяннице, которая желает возвратить свою собственность. Синезий знает даже, где находится этот раб. Он поступил в услужение александрийца Гарпократиона, который является subadiuva Геркулиана, и вместе со своим новым господином объезжает Египет. Синезий уполномочивает своего друга Эфалиса доставить ему этого беглеца³.

Но из переписки Синезия видно, что рабы были главным образом домашней прислугой, и нет никаких данных о том, что рабский труд находил особенно широкое применение в сельскохозяйственном производстве. Из того, что наш автор говорит о сельскохозяйственном населении, мы убеждаемся, что значительная его часть состояла из мелжих самостоятельных производителей.

В этом нас убеждает письмо 67, повествующее о посещении Синезием Палебиски и Гидракса в бытность его епископом. Палебиска и Гидракс были большие деревни (хорох), находившиеся на южной границе Пентаполя. Патриарх Феофил решил открыть в этих селениях отдельную епископскую кафедру, почему он поручил Синезию сделать относительно этого предложение народному собранию. Если бы население Палебиски и Гидракса состояло из порабощенных колонов, закрепощенных крупными землевладельцами, то Синезий легко бы справился со своим поручением. Но так как население этих деревень состояло из мелких самостоятельных землевладельцев, то Синезию действительно пришлось созывать народное собрание. При этом необходимо подчеркнуть, что это народное собрание наотрез отказалось удовлетворить желание александрийского патриарха, несмотря на то, что Синезий применял не только меры убеждения, но и принуждения. Он прочитал послание Феофила, адресованное им, а также послание патриарха ему

¹ PG, t. 66, col. 1093. См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 351—352. ² Ibid., col. 1360.

³ Ibid., col. 1540.

самому и затем увещаниями побуждал к избранию особого епископа. Но жители, очевидно, не желая нести расходов по содержанию нового епископа, заявили, что они так привязаны к Павлу, епископу Эритрскому, что совершенно не желают с ним разлучаться и поэтому отказываются выбирать себе нового епископа. Напрасно Синезий применял меры принуждения. Он приказывал своим телохранителям хватать тех, кто громче других кричал, и с побоями выталкивать из церкви 1. Но и эти меры принуждения не оказали никакого воздействия на собрание. Синезий отложил собрание, предполагая, что жители одумаются, но тщетно. На вторичном собрании, бывшем через четыре дня после первого, жители попрежнему отказались от избрания епископа, и Синезий должен был признать свою неудачу. То, что жители этих селений осмелились не выполнить распоряжений высшей церковной администрации, говорит не только об укоренившемся у них недоверии ко всяким предложениям власти, но и о сохранившейся у них значительной доле самостоятельности в решении касающихся их вопросов.

Земледельческое население Киренаики было далеко не однородно по своему имущественному положению: в его среде существовала значительная дифференциация, выделилась зажиточная прослойка. Когда Синезий в 402 г. был заброшен морской бурей в Азаир, пассажиры корабля, на котором он ехал, стали получать щедрые подарки от зажиточных местных жительниц (γυναϊκες των άγρογειτόνων εὐδαίμονες)2. Этим мы не отрицаем, конечно, наличия в Киренаике колонов, которые обрабатывали земли крупных землевладельцев, пасли их стада и составляли основной контингент тех отрядов, которые Синезий собирал для защиты своих владений от кочевников. Колоны не только принуждались вступать в эти отряды; им в буквальном смысле приходилось бороться за свою жизнь, так как авсуриане мужчин поголовно убивали, а женщин и детей уводили в рабство.

К сожалению, в письмах Синезия мы не находим подробностей, которые характеризовали бы положение колонов Киренаики. Разумеется, мы не можем доверять Синезию, когда он, описывая свое поместье Ангимах, заявляет: "Здесь все живут, как братья, взаимно помогая друг другу"3. Во всяком случае Синезий не объясняет нам, что является источником его доходов.

Таким образом, сочинения Синезия позволяют нам сделать лишь скромный вывод, что сельское население Киренаики состояло из колонов и мелких самостоятельных земледельцев, причем мы не можем с полной уверенностью утверждать, что в состав этого населения входили и полуварвары — макеты, поскольку Синезий говорит об их содействии авсурианам.

Классовая борьба в Киренаике на рубеже IV—V вв., так же как в других провинциях Восточной империи, выражалась, в частности, в религиозных распрях, которые в течение столетий буквально потрясали империю и часто приводили к кровавым столкновениям и политическим переворотам. В настоящее время трудно представить, что не только широкие круги господствующего класса, но и народные массы так горячо интересовались пустыми богословскими формулами и словами и что государство придавало им такое значение. Дело в том, что эти слова и лозунги были только условными формулами, под

PG, t. 66, col. 1412.
 Ibid., col. 1341.
 Ibid., col. 1545.

которыми скрывались раздиравшие государство социальные и этнические противоречия.

Религиозные споры в IV—VI вв. прошли две стадии: триадологическую, когда предметом споров было греческое учение "о сыне божием" и "св. троице", и христологическую, когда спорили о "двух природах во Христе". На IV и начало V в. приходится первая стадия

споров.

В Киренаике арианство держалось дольше, чем в других провинциях империи. Нам известно, что и до арианства Киренаика была одним из центров гностицизма, а также главным рассадником ереси Савеллия 1. Сам Арий был по происхождению ливиец. Его долго поддерживали ливийские епископы. Отрицая тезис о полной божественности Христа, арианство отрицало тем самым божественность христианской церкви. У ариан духовенство не составляло привилегированной группы, не занимало высоких должностей, не владело земельными богатствами, как в православной церкви. Ариане резко выступали против церковных богатств и особенно против крупного землевладения. Несмотря на террор, который обрушился на ариан по вступлении на престол Феодосия I, арианство еще держалось в Киренаике. Хотя ересь Евномия, епископа Кизикского, который восстановил учение Ария относительно троичности, утверждая, что только один "отец" заключает в себе божескую сущность во всей полноте, — была осуждена на втором вселенском соборе (381 г.), она еще и во времена Синезия продолжала иметь не только тайных приверженцев, но даже своих явных распространителей. По свидетельству Синезия, глава константинопольских евномиан, некто Квинтиан, хвалившийся своими связями при дворе, послал в Пентаполь нескольких своих приверженцев под предлогом каких-то важных дел, а в сущности для распространения ереси и для поставления там своих пресвитеров. Это "вторжение" евномиан в Пентаполь было тем опаснее для "православных", что Пентаполь, как мы уже знаем, и прежде был рассадником арианства.

По вопросу о борьбе с этой ересью Синезий совещался с Исидором Пелусиотом, от которого получил соответствующие указания 2 . От Синезия, который еще в 410 г. высказывался отрицательно относительно многих положений христианской догматики, мы могли бы ожидать известной мягкости в отношении к еретикам. Но вместо мягкости он проявляет определенную жесткость, последовательно исполняя свою роль защитника эксплуататорского государства. В торжественном послании пресвитерам своей церкви он призывает их принять все меры предосторожности против новых апостолов "дьявола и Квинтиана", требует ни в каком случае не впускать их в приходы, доверенные их попечению, а с бесчестием изгонять их оттуда³. Синезий торжественно объявляет, что каждый, кто увидит преступные собрания еретиков и нисколько этим не обеспокоится, услышит их слова и не обратит внимания на их сущность, или кто будет склонен на их сторону деньгами, того следует причислить к амалекитянам, иными словами, изгнать из церкви. Таким образом, Синезий объявляет беспощадную войну различным сектам ариан. Но в то же время это письмо свидетельствует о фальши заявления Синезия, будто "Пентаполь если и уступал другим

¹ А. Остроумов. Синезий философ, епископ Птолемаидский. М., 1879, стр. 30-² PG, t. 78, col. 329. ³ PG, t. 66, col. 1341—1343.

(провинциям) в могуществе, то превосходил в преданности:... во все времена, а особенно в недавние, когда было столько тиранов, мы были неуклонно преданы императору" 1. Классовая борьба, принимавшая религиозные формы, не могла быть приостановлена епископскими посланиями. Если арианство под давлением правительственного и церковного аппарата и сходит со сцены в Восточной империи, то только для того, чтобы немедленно уступить место другим церковным ересям.

Подводя итоги нашему обзору состояния Пентаполя и деятельности Синезия в Пентаполе, мы должны решительно отказаться от идеализации Синезия. Буржуазные ученые не рассматривали его как представителя определенного общественного класса, мы же показали, что вся деятельность его как в Константинополе, так и в Пентаполе была классово обусловлена: и в Пентаполе он верно служил интересам рабовладельческой империи, интересам своим и своих многочисленных друзей и родственников, а после принятия епископского сана также верно служил интересам православной церкви. Таким образом, Синезий был вернейшим слугой рабовладельческого строя.

Новым в нашем анализе является показ того, что местные курии в начале V в. далеко не находились в таком приниженном и бесправном положении, как это обычно представляется в буржуазной исторической литературе. Мы видим, наоборот, что пентапольские куриалы принимали активное участие в руководстве местными делами, и провинциальная администрация должна была с ними считаться². Мы видим, что куриал Синезий играл крупнейшую роль в общественной жизни Пентаполя, и не он один. Мы знаем другого куриала или выходца из курии — Юлия, который также на протяжении десятков лет стремился руководить общественными делами Пентаполя. Даже презид Андроник, который показал полное нежелание считаться с Синезием, в то же время являлся послушным исполнителем указаний Юлия.

Мы видим, что представитель Пентаполя Синезий выступил в речи "О царстве" с рядом предложений, ставящих своею целью возродить "древние славные времена" римской рабовладельческой империи, и эти предложения нашли сочувственный отклик в Константинополе. Верхушка курии Пентаполя имела тесную связь с правящими кругами в Константинополе и в Александрии. При помощи этих связей Синезий стремится проводить нужную ему политику в Пентаполе и поддерживает интересы своих многочисленных родственников и сторонников. Таким образом, можно сказать, что курии Пентаполя в начале V в. оказывали значительное воздействие на императорскую провинциальную администрацию. Присылаемые из столицы администраторы, хотя они и покупали свои должности, должны были считаться с местными куриями и без налаженного контакта с ними едва ли могли бы удержаться на своем посту.

Таково же было в V в. положение и в большинстве других провинций империи. Так, хроника Иешу Стилита и другие сирийские хроники знакомят нас с положением курии Эдессы, состоящей из "именитых" и богатых людей, которые играют в конце V в. решающую роль во всех делах и тяжесть государственных повинностей перекладывают на городских ремесленников и земледельцев.

¹ PG, t. 66, col. 1565.

² C. H. Coster. Synesius, a Curialis of the Time of the Emperor Arcadius. Byz., XV, 1941, pp. 10—38.

В буржуазной исторической литературе обычно подчеркивается, что курии в V—VI вв. теряли всякое значение, и в качестве руководителей городской жизни на первый план выдвигается духовенство с епископами во главе. Но пример Пентаполя показывает нам, что эти епископы обычно являются представителями местной курии, неразрывно связанными с той средой, из которой они выходят, и потому они и в дальнейшем действуют в тесном контакте с ней. Поэтому нельзя говорить, что местное самоуправление в V в. уже утратило всякое свое значение. Оно не утратило его полностью и в VI в. Иначе нельзя понять новеллу Юстина II от 569 г., которая официально передала провинциальное управление в руки местных крупных землевладельцев, являвшихся главным образом местными куриалами, причем местным крупным землевладельцам предлагалось выдвигать кандидатов на пост презида провинции, и Юстин обещал их утверждать безвозмездно.

Но сочинения Синезия в то же время показывают и разложение господствующего класса Восточной Римской империи, разложение, которое является одним из признаков революционной ситуации. Говоря о трех главных признаках революционной ситуации, В. И. Ленин называет в качестве первого признака "невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому" 1.

Труды и письма Синезия показывают коррупцию правительственного аппарата. Назначение на все ответственные должности производится за деньги, причем получателей этих должностей сопровождает целая свита заимодавцев. Константинопольское правительство раздает ответственные должности таким людям, как Евталий, который прославился взяточничеством и ловкостью, с которой ускользнул от уплаты штрафа. Начальником военной обороны всего Пентаполя был назначен Кереалий, который присваивал средства, выделенные на содержание солдат, заставлял города откупаться золотом от принудительного постоя солдат и дезорганизовал все дело обороны Пентаполя. Президом Киренаики стал местный уроженец Андроник, который ухитрился выколотить двойные подати и применял новые невиданные еще роды пыток. Командиром маркоманнов стал бывший содержатель публичного дома Хилас.

Но и среди куриалов Пентаполя тоже наблюдалось разложение. Синезий был, несомненно, умным и талантливым представителем куриальского сословия. Он пользовался поддержкой многочисленной клики своих родственников и сторонников в Киренаике. Он сумел завязать дружественные отношения с влиятельными кругами в Константинополе и Александрии, которые оказывали ему всяческую поддержку. Он гордился (до своего избрания на епископскую кафедру) тем, что он "был окружен почестями и не испытывал никакого бесчестья". Однако и он имеет в Пентаполе сильных врагов, которые разрушают его планы, направленные на упрочение положения провинции, травят его родственников, причиняют ему всякие неприятности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189. ² PG, t. 66, col. 1392—1393.

В Киренаике масса доносчиков, процветает сутяжничество. Солдаты восточно-римской армии, которых грабят их командиры, в свою очередь, грабят население, не щадят даже епископские конюшни. Стратиот Карнас самовольно увел епископского коня, предложив за него собственнику ничтожное вознаграждение.

Эти данные показывают, что было бы глубокой ошибкой считать Восточную Римскую империю государством, в котором обеспечивались бы права и соблюдались законы. Мы видим, что центральная императорская власть настолько слаба, что не в состоянии контролировать действительное управление провинций, в которых начинает развиваться процесс феодализации, и сильные люди, как показывают письма Синезия, при молчаливом содействии продажной провинциальной администрации самовольно захватывают земли и другое имущество.

При таком положении, естественно, нечего было и думать осуществить мечтания Синезия о возвращении "древних славных времен" римской рабовладельческой империи, так как разложение рабовладельческого общества зашло и на Востоке достаточно далеко. Синезий в конце своей жизни должен был видеть крушение всех его патриотических стремлений и семейных привязанностей. В "Катастасисе" он говорит: "Пентаполь умер, он задавлен, он кончил свое существование, он убит, он погиб, он не существует более ни для нас, ни для императора. Нельзя назвать владением императора то, что не приносит ему никакой пользы. А какую пользу можно извлечь из пустыни?"1.

И деятельность, и взгляды Синезия, верно служившего в течение всей жизни интересам своей классовой группировки, показывают, что в высших классах все больше и больше верили в те же мифы, что и в народе. Нас не должна вводить в заблуждение враждебность Порфирия или Ямвлиха к христианству, противопоставление двух религиозных истолкований мира, одного более рафинированного и аристократического, представленного неоплатонизмом, другого — более народного и конкретного, представленного христианством, так как оба эти толкования основываются на общих положениях. Языческая философия в последние века Римской империи все больше сближалась с богословием.

Поэтому Синезий, прошедший хорошую математическую школу под руководством Ипатии, сам конструировавший астрономические и физические приборы, в то же время, так же, как большинство его современников, испытывал постоянную тягу к религии, верил в сны, приметы, предсказания, написал целый трактат о возможности предвидеть будущее посредством снов и, наконец, быстро и легко превратился из философанеоплатоника в христианского епископа-митрополита Киренаики.

Общественные действия людей подчинены общественным законам исторической необходимости. Но это, однако, не значит, что отдельные люди и тем более общественные классы пассивно подчиняются исторической закономерности. Люди, независимо от того, играют ли они прогрессивную или реакционную роль, вносят в историческую действительность свою сознательную волю и творческую активность.

Письма Синезия показывают, что восточно-римские рабовладельцы, напуганные революционным движением рабов и колонов, повлекшим за собой Адрианопольскую катастрофу 378 г., напуганные еще больше событиями на Западе, в основной своей массе сознавали необходимость

¹ PG, t. 66, col. 1569.

сплочения вокруг императорской власти и сохранения централизованного государства. Поэтому и Синезий не только идеологически защищал устои рабовладельческого государства, но и выступал с оружием в руках на его защиту: на собственный счет организовал ополчение для защиты Киренаики, добывал для него оружие и, уже занимая епископскую кафедру, был душой обороны Птолемаиды. Поэтому и императорская администрация здесь не была предоставлена самой себе. Она поддерживалась и контролировалась местными крупными землевладельцами. Поэтому и административный и военный аппарат, как бы он ни был плох, не переставал функционировать. И сам Синезий в своей переписке негодным с его точки эрения администраторам — Кесарию, Евталию, Кереалию, Андронику, Иоанну — противопоставляет многочисленных деятелей, людей, по его мнению, достойных: Аврелиана, Анфимия, Симпликия, Пентадия, Анисия, Марцеллина, Геннадия, Пеония, Исихия. Поэтому и его скорбь о гибели Пентаполя, высказанная в "Катастасисе", была преждевременна. Все более слабеющее, все более раздираемое классовыми и этническими противоречиями рабовладельческое общество сохранялось в Пентаполе еще два с половиной века, пока арабы, более сильный внешний враг, чем берберские племена, не прекратили его существования.